

АЛЕКСАНДР
ТАМОНИКОВ
ВОИН

ЧЕРНЫЕ ДЬЯВОЛЫ

Служу
Отечеству!

Александр Александрович Тамоников
Черные дьяволы
Серия «Александр Тимохин», книга 7
Серия «Спецназ. Воин России»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=178903
Черные дьяволы: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-33880-1*

Аннотация

Российское антитеррористическое управление получило информацию о переброшенном в Грузию американском отряде карателей «Черные дьяволы», перед которым стоит задача дестабилизировать обстановку в регионе. Диверсанты наметили серию провокаций на Грузино-Осетинской границе. Подполковнику Александру Тимохину и капитану Дмитрию Макарову поручено отправиться в Грузию под видом граждан Украины и засечь место дислокации американцев, после чего обезвредить террористов-provokatorov...

Содержание

Часть I	4
Глава первая	4
Глава вторая	30
Глава третья	61
Глава четвертая	95
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Александр Тамоников

Черные дьяволы

Часть I

Глава первая

Афганистан, окрестности Кабула, среда.

9 июля 2008 года.

Взвод лейтенанта Бена Вульфа заканчивал патрулирование района, находившегося в зоне ответственности пехотного батальона группировки ВС США. Три «Хаммера» прошли три четверти пути. До Кабула, а значит и до военной базы, осталось пройти пятнадцать километров. Выйдя на вершину одного из многочисленных холмов, по которой пролегла разбитая вдребезги, когда-то построенная советскими специалистами, дорога, лейтенант поднял к глазам бинокль. Впереди лежал кишлак Джангри, последний и самый большой из четырех населенных пунктов, через которые проходил маршрут ежедневного дневного патрулирования. Ночью подразделения западной коалиции предпочитали отсиживаться на базах дислокации. Можно было уйти влево от населенного пункта – инструкцией это не запрещалось – и

объехать Джангри через кишлак Багихель, что значило сделать крюк километров в восемь. Где-нибудь в другом месте, в другой стране, восемь километров – пустяк для мощных боевых внедорожников, но не в Афганистане. Здесь каждый метр земли нес в себе потенциальную угрозу со стороны враждебно настроенного к американцам населения. К тому же потеря времени. А Вульф так хотелось быстрее добраться до охраняемой базы-крепости, до своего отсека в комфортабельном модуле. До единственного места в этой проклятой и непонятной стране, где он мог позволить себе расслабиться, скинуть бронезащиту, принять душ, одеться в шорты и майку, завалиться на постель под прохладные струи кондиционера, выпив перед этим бокал обжигающего и успокаивающего виски. А вечером, как обычно, принять темнокожую страстную связистку Лили, убрав в ящик тумбы фотографию супруги, до утра, до построения, забыв обо всем на свете под яростными и ненасытными ласками стройной, чертовски привлекательной полевой любовницы. Но до базы надо еще добраться. Вульф осматривал главную улицу кишлака, по которой проходил маршрут патруля. И видел: она полна афганцев. Время такое. Аборигены возвращаются домой после трудового дня. Кто с плантаций, кто с пастбищ, кто – те, что побогаче и предприимчивей, – с рынков Кабула. Возле ворот в высоких дувалах стояло с десятков раскрашенных в немыслимые цвета машин, в основном старых малотоннажных грузовиков и фургонов. Женщины загоняли во дворы

небольшие отары овец, им помогали загорелые до черноты, практически голые и чумазые дети. Кишлак жил своей жизнью, и населению было плевать на то, что происходит в их стране. На власть, на непрекращающуюся войну, на американцев, англичан, других европейцев, пришедших в Афганистан навести порядок, но так ничего не сумевших сделать. Они жили по своим законам, подчинялись своим старейшинам и соблюдали свои обычаи. По принципу «мой дом – моя крепость».

Лейтенант почувствовал, как от кишлака потянуло кизячным дымом, смешанным с легким, приторным ароматом анаши.

Водитель головной, командирской машины спросил:

– Проходим кишлак на максимальной скорости?

Лейтенант, опустив бинокль, ответил:

– Да!

– Сегодня что-то много людей на улице, – заметил рядовой.

Вульф взглянул на водителя:

– И что?

– Да как бы не сбить кого. Может, сбросить скорость?

Лейтенант протер платком лоб:

– Ты сбросишь скорость, а тебе в кузов, к парням, бросят пару гранат. Или ты забыл, как нас «любят» в этой дерьмовой стране?

Рядовой кивнул:

– Есть, сэр! Идем по кишлаку на максимально возможной скорости!

Лейтенант вызвал по связи старших идущих сзади машин:

– Внимание! Проходим кишлак Джангри. Скорость увеличить, дистанцию сократить. Всем быть в готовности отразить нападение вероятного противника. Что бы ни произошло, в селении не останавливаться. Идем на базу!

Сержанты ответили, что приказ приняли!

Жители мирного кишлака прекрасно знали, что в это время суток через селение проезжает колонна американского мобильного патруля, поэтому, увидев на юге облако пыли, поднятое движением «Хаммеров», поспешили укрыться во дворах домов. Улица в момент опустела. Решила спрятаться в доме и молодая женщина, которая ходила с грудным ребенком, ее первенцем, к местному знахарю, бывшему ветеринару. Мальчик последнее время плакал, и шестнадцатилетняя мать, сама еще ребенок, не знала, что делать. Знахарь дал какое-то снадобье, напоил дитя молоком с ханкой, обычным для этих мест обезболивающим лекарством, а по сути наркотиком. И молодая женщина побежала через дорогу. Она успела бы скрыться в калитке ворот дома мужа, если бы не споткнулась. Запутавшись в длинном платье, женщина упала в пыль дороги. Ребенок откатился немного вперед. Она бросилась к сыну, подняла его, встала и... в это время в кишлак влетел головной «Хаммер» американского патруля. Водитель, увидев женщину с ребенком, крикнул командиру:

– Сэр! Препятствие! Торможу!

Нога потянулась к педали тормоза, но лейтенант приказал:

– Отставить! Это ловушка! Вперед!

Удар! Лобовое стекло мгновенно и обильно забрызгало кровью. Водитель машинально включил стеклоочистители с омывателем и сильнее нажал на педаль газа.

«Хаммер» отбросил женщину к арбе, стоявшей рядом с дувалом дома фельдшера, где она и застыла в неестественной позе, с разможенной головой, вся переломанная. Ребенок, раздавленный американским внедорожником, остался на дороге. Водители следующих за головной машиной «Хаммеров» даже не почувствовали под колесами своих автомобилей размазанного по пыли крошечного тельца маленького человечка, несколько минут назад уснувшего на руках матери. Облако пыли накрыло улицу. Колонна патруля скрылась. А из ворот дома вышел мужчина. Увидев то, что осталось от жены и сына, он с криком отчаяния упал на дорогу и начал биться головой о землю. Поняв, ЧТО произошло, к нему и погибшим бросились соседи. Вскоре улица заполнилась кричащей, воющей толпой.

Лейтенант же, как только патруль вышел за пределы кишлака, выругался:

– Черт бы побрал этих дикарей. И повернулся к водителю:
– Сбрось скорость, а то в кювет улетим!

Рядовой, выполнив приказ офицера, ударил руками о

руль:

– Твою мать! Первый раз сбил человека.

– Человека? Какого человека? Я в последний момент подумал, что баба могла оказаться смертницей. Ты заметил у нее в руках сверток? Представляешь, что от нас осталось бы, если бы эта тварь несла взрывчатку? Весь патруль разнесло бы.

– Дикарка несла в руках ребенка! – сказал водитель.

– Ребенка? Не заметил!

– Я заметил. Он прямо под левое колесо попал. А может, откатился и не попал? Хотя другие машины его наверняка все равно раздавили. Эх, плохо!

Вульф повысил голос:

– Что плохо? Мы не первый раз проезжали этот гребаный кишлак. Дикари должны были привыкнуть и прятаться при нашем появлении. Они и спрятались, вот только откуда эта стерва взялась? Но черт с ней и с ее вырождением. Не сдох сейчас, сдох бы чуть позже, от наркоты или пули. Ты ни в чем не виноват. Мы выполняли требования инструкции и не имели права останавливаться в населенных пунктах ни при каких обстоятельствах.

– Все это так, лейтенант, только на душе плохо. Руки трясутся.

– Руки, говоришь, трясутся? А у моджахедов, что стреляют в нас, ничего не трясется. Вспомни, скольких парней мы отправили в Штаты в гробах. Вспомни, как дикари сбили

вертолет с новобранцами. У того, кто стрелял из переносного зенитно-ракетного комплекса, руки не тряслись. И хватит ныть. За все, что происходит во время патрулирования района, отвечаю я. Уверен, у командования к нам претензий не будет. Подумаешь, бабу с выродком сбили. Не будет под колеса прыгать, тварь немытая.

Водитель промолчал.

В 17.47, на тринадцать минут раньше графика, колонна Вульфа въехала на территорию базы, что размещалась на южной окраине Кабула. Машины остановились у бункера дежурного по батальону. Лейтенант, приказав поставить «Хаммеры» в капониры парка боевых машин, спрыгнул на бетонную площадку.

К нему вышел дежурный по батальону:

– Ты сегодня прибыл раньше времени, Бен! Случилось что на марше?

Вульф, прикурив сигарету, спросил дежурного, командира взвода второй роты:

– Какая тебе разница, Джон?

– Как это какая? Мне в журнале возвращения машин какое время ставить? Установленное приказом, 18.00, или фактическое?

– Ставь какое хочешь, где сейчас Рэмпси?

– А где он может быть? Сидит в своем кабинете да виски жрет! Благо, все бригадное начальство укатило в посольство. Да оно нашему комбату до одного места. Рэмпси отслужил

свое и скоро полетит домой. В штабе со дня на день ждут приказа об увольнении майора и назначении нового командира батальона. Кстати, поговаривают, что твой ротный может заменить Рэмпси.

Вульф бросил окурок в урну:

– Вряд ли! Хотя в Штатах мало кто стремится попасть сюда, даже на повышение. Значит, комбат у себя?

– У себя!

– Ладно, пойду на доклад к комбату! А время прибытия колонны поставь фактическое, чтобы не нажить возможных неприятностей!

– Понятно! И что у тебя произошло в ходе патрулирования?

– Бабу с ребенком мой водитель сбил. В Джангри. Но, прошу, не распространяйся об этом. Не надо!

– Какой разговор, Бен?! Ты ничего не говорил, я ничего не знаю, кроме того, что колонна лейтенанта Вульфа вернулась с марша раньше срока на 13 минут.

Лейтенант Вульф прошел в штабной модуль. И далее в отсек командира батальона майора Бобби Рэмпси.

Комбат, развалившись в кресле, сбросил ноги со стола при виде подчиненного. Взглянул на часы:

– Ты сегодня рано, Вульф! Позволь узнать, почему не соблюдаешь график?

Майор, как всегда, узнав, что его документы ушли в Пентагон и скоро он станет пенсионером, находился в состоянии

опьянения. Но, надо отдать должное комбату, он мог держать себя практически в любом состоянии.

Вульф ответил:

– У нас проблемы, сэр! Головная машина мобильного патруля сбила женщину в Джангри, скорей всего, вместе с ребенком. Грудным младенцем, которого держала на руках.

– Вот как? Позволь узнать, Бен, с какой скоростью патруль проходил через кишлак?

– Пятьдесят миль в час!

– Почему превысил скорость?

– Сэр! Вы прекрасно знаете, что все патрули стараются проходить местные населенные пункты на максимальной скорости.

Майор поднялся, прикурил сигарету:

– Я знаю требования инструкции, определяющей режим движения патрулей, и там установлена скорость для прохождения населенных пунктов. Не более 30 миль в час, поэтому еще раз спрашиваю, почему ты, лейтенант Вульф, нарушил требования инструкции, результатом чего стал несчастный случай в кишлаке Джангри?

Вульф, повернувшись к стене, проговорил:

– Кроме того, что доложил, мне нечего добавить. Да, я нарушил требования инструкции, но того требовала обстановка.

– Патрулю что-то угрожало в Джангри? – спросил комбат.

– Нам везде в этом вонючем Афганистане постоянно угро-

жают нападения моджахедов.

– Это не ответ, лейтенант!

– Другого у меня нет! Готов понести любое наказание, вплоть до суда военного трибунала.

– Та-ак! Тебе сколько лет, Бен?

– Двадцать пять, сэр!

Майор усмехнулся:

– Заметно! А теперь слушай старого вояку. Сейчас напишешь рапорт, в котором укажешь, что колонна патруля скоростного режима при прохождении Джангри не нарушала, сбавила скорость, как и положено, до тридцати миль, так как на улице было много людей. Женщина со свертком появилась перед машиной внезапно, словно специально бросилась под колеса. Водитель в данной ситуации сделать ничего не мог. Ты же, не имея права останавливать патруль в населенных пунктах, приказал продолжить движение, увеличив скорость. Случай с женщиной ты посчитал провокацией, имеющей целью остановить патруль и обстрелять его. Никакого ребенка не видел, лишь женщину, бросившуюся под колеса со свертком в руках. Все! И не забудь позже предупредить водителя, чтобы ваши показания, в случае назначения комбригом расследования, совпадали. Но не думаю, что полковник будет устраивать серьезное разбирательство. Так, назначит комиссию для проформы, где твои действия признают правомерными, и штаб сбросит отчет об инциденте в посольство. Ну а уж там мелкие клерки отправят его в архив.

Ты меня понял, сынок?

Вульф прибодрился:

– Так точно, сэр! Благодарю, сэр!

Командир батальона достал из ящика стандартный лист бумаги, положил его на стол совещаний:

– Садись и пиши, что сказано. А я, пожалуй, выпью немного. Что-то душно сегодня. Наверное, опять «афганец» налетит. Эти песчаные бури уже достали. Все закрыто, вентиляция отсека осуществляется через кондиционер, а как пройдет буря, на столе пыли с палец толщиной. Быстрее бы свалить отсюда.

– Говорят, вас уже скоро в Штаты отправят!

– Ты пиши рапорт, а не размышляй о том, какие слухи бродят в батальоне.

Лейтенант присел за стол совещаний, майор открыл холодильник, достал початую бутылку виски, налил полфужера, в два глотка выпил обжигающую, ароматную, темную жидкость. Выдохнул воздух:

– Хорошо! Что бы мы здесь без виски делали?!

Неожиданно зазвонил телефон внутренней связи. Комбат поднял трубку:

– Майор Рэмпси!

Послышался голос дежурного офицера:

– Лейтенант Грегори, сэр!

– Я понял! Что у тебя?

– Только что звонили из посольства, просили, чтобы вы

срочно связались... минуту, я записал... вот... с неким Брайтоном.

Майор бросил трубку на рычаги старого аппарата. Лейтенант спросил:

– Кто-то интересуется подробностями случая в Джангри?

– Пока не знаю. Звонили из посольства. Просили связаться с ними!

– Дикари подняли шум?

– Возможно! Но ты не отвлекайся.

– Да, сэр!

Комбат включил специальную радиостанцию:

– Посольство?

Ему ответил милый женский голос:

– Да, сэр, посольство Соединенных Штатов Америки в Афганистане.

– Соедините-ка меня с неким господином Брайтоном!

– Представьтесь, пожалуйста!

– Командир N-ского пехотного батальона, майор Рэмпси, мне звонили от вас, просили связаться с этим Брайтоном, кстати, если не секрет, кто он по должности?

– Никакого секрета, сэр! Но представится господин Брайтон сам, если посчитает нужным сделать это. Извините. Соединяю.

Комбат ждал около минуты, затем ему ответил хрипловатый голос:

– Майор Рэмпси?

– Да, сэр! Не имею чести знать, какую должность занимаете вы?

– Я секретарь посольства.

– Слушаю вас, господин секретарь.

– Нам недавно сообщили из МИД Афганистана, что одна из машин вашего мобильного патруля в кишлаке Джангри сбила женщину с ребенком. На месте по факту происшествия разберется командир бригады, который уже выехал на базу, а вас попрошу представить собственный отчет в посольство вместе с рапортом начальника патруля.

Комбат спросил:

– И давно воинские подразделения и части армии подчинили представителям дипломатического ведомства?

В голосе секретаря прозвучало раздражение:

– Господин Рэмпси, не надо сарказма и ненужных вопросов, а также не следует искать себе неприятностей. Пока я попросил вас представить в посольство отчет с рапортом, не заставляйте меня делать то, что вам крайне невыгодно: а именно, обращаться к вашему армейскому начальству. В любом случае мы получим то, что нам надо.

– Так получайте! Я офицер и обязан выполнять приказы только вышестоящего командования. Вы для меня не командование. Я ясно изложил свою позицию?

– Да, вы ясно изложили свое желание занять проблемы. До свидания, господин Рэмпси!

– До свидания, господин секретарь!

Комбат отключил станцию:

– Вот крыса канцелярская. Отчет ему подавай! Терпеть не могу этих штатских недоносков. Ты прослужи с мое, повоюй за интересы страны, а потом командуй! В кабинетах они все герои, а пришли сюда на базу – так уже по дороге наделают полные штаны. – Он повернулся к лейтенанту: – Ну что, закончил?

Лейтенант поднялся:

– Так точно, сэр!

– Давай сюда рапорт. А сам иди и поговори с водителем, а также с теми солдатами, кто видел наезд. И чтобы все говорили одно и то же!

Лейтенант, развернувшись, вышел из отсека, а майор присел в кресло, прикурил очередную сигарету. В дверь постучали.

– Ну кто там? – крикнул Рэмпси. – Заходи!

Вошел начальник штаба, капитан Джон Стоун. Он был недавно назначен на должность заместителя командира отдельного батальона переводом из учебного центра в Колорадо и еще не обвыкся в Афганистане.

– Сэр, вызывали?

– Скажи мне, кто у нас завтра выходит в патруль по третьему маршруту?

Начальник штаба, не задумываясь, ответил:

– Взвод лейтенанта Донвея.

– Донвея! Брюс – опытный офицер. Ты вот что, капитан,

прямо сейчас измени третий маршрут и на инструктаже доведи изменения до Донвея.

– В смысле, изменить?

– Ты что, не слышал, что сегодня «Хаммер» Вульфа сбил в Джангри женщину с ребенком?

– Нет! А... как это произошло?

Рэмпси кивнул на рапорт лейтенанта:

– Вон, исписанный лист бумаги, ознакомься.

Капитан внимательно прочитал содержание рапорта Вульфа, по сути, продиктованного самим комбатом. Положил документ на место.

– В общем, – сказал Рэмпси, – ты должен изменить третий маршрут так, чтобы с завтрашнего дня патрули обходили Джангри и шли к базе через соседний кишлак Багихель. Пока дикари в Джангри не успокоятся. Или пока мы не успокоим их. Задача ясна?

Начальник штаба кивнул:

– Так точно, сэр! Разрешите выполнять?

– Выполняй!

Стоун покинул штабной отсек. Комбату можно было идти в свой модуль, на отдых, но Рэмпси знал, по приезду на базу командира бригады оповещенный о случившемся непременно свяжется с ним. Так уж лучше дождаться сеанса связи в штабе, нежели дома, расслабившимся.

Только он подумал об этом, как раздался звонок телефона внутренней связи. Комбат ответил:

– Майор Рэмпси!

– Дежурный по батальону, сэр! В распоряжение части прибыл командир бригады. Он поехал к вам, в штаб!

– Какое настроение у комбрига?

– Да вроде нормальное! Спросил о вас спокойно, до этого поинтересовался, как служба. Посмотрел журнал выхода и возвращения патрулей. Но мельком. Пожелал удачи и приказал водителю ехать в штаб. Охрана осталась у внешнего контрольно-пропускного пункта!

Рэмпси положил трубку на телефонный аппарат, и в это время в отсек вошел командир бригады полковник Эдвард Фрин. Прошел к журнальному столику, упал в одно из кресел. Попросил:

– Бобби, налей-ка мне виски, день выдался какой-то бешеный. Да еще эта жара!

Полковник обращался к подчиненному столь фамильярно потому, что они вместе оканчивали военное училище, служили взводными в одной роте. Год. После чего жизнь разбросала друзей по разным гарнизонам и странам, и вот вновь свела вместе в Афганистане. К этому времени Фрин, будучи полковником, ожидал присвоения генеральского звания. Должность командира бригады позволяла это, а майор Рэмпси, застряв на батальоне, готовился выйти в отставку. Впрочем различия в должности, званиях, положениях никак не влияли на сохранившиеся с юности дружеские отношения офицеров. Во внеслужебной, естественной обстановке.

Комбат прошел к холодильнику, достал бутылку, налил в фужер виски и, передав его комбригу, проговорил:

– Да, здесь покруче Ирака. К тому же эти пыльные бури достали.

Отпив глоток, полковник сказал:

– Скоро «афганец» снова накроет базу. И так почти каждый божий день. Но черт с жарой, ты мне доложи, как твой патруль сбил в Джангри женщину с ребенком.

Рэмпси передал полковнику рапорт Вульфа.

Фрин поморщился:

– Объясни так. От докладных, рапортов, служебных записок и прочей макулатуры меня уже тошнит.

Майор рассказал комбригу версию происшествия, изложенную в рапорте.

Выслушав подчиненного и друга, а заодно и долив в фужер виски, полковник произнес:

– Значит, патруль соблюдал режим движения, установленный для населенных пунктов?

– Лейтенанту, хочешь не хочешь, пришлось снизить скорость, так как на улице кишлака было много афганцев.

– Снизить, говоришь?

– Это он говорил и в рапорте указал!

– Соврал твой лейтенант, Бобби!

– У тебя есть основания подозревать Вульфа во лжи?

Полковник вздохнул:

– Я, Бобби, видел фотографии, сделанные на месте про-

исшествия и весьма оперативно переданные в наше посольство. Так вот, по ним и без экспертизы и дознания видно, что «Хаммеры» патруля шли по кишлаку со скоростью миль шестьдесят. Труп афганки обезображен так, будто ее дорожным катком переехали, и отлетела она от колеи к дувалу, о ребенке и не говорю, от него в буквальном смысле мокрое место осталось. Так что лжет твой лейтенант, Бобби, и это очень просто доказать!

– А как объяснить то, что дикарка с ребенком выскочила на дорогу непосредственно перед колонной, когда при всем желании водитель был не в состоянии избежать столкновения с ней? Она не могла не видеть приближение наших машин. И все же вышла на дорогу.

Фрин поднял вверх указательный палец правой руки:

– Вот! Это единственный момент, который позволяет снять вину с водителя и начальника патруля. Мы отмажем лейтенанта, но ответь, почему он решил увеличить, а не снизить скорость при прохождении населенного пункта? Наверняка ты спрашивал его об этом?!

– А ты сам не догадываешься, почему?

– Нет, Бобби.

– Да потому, что нас ненавидят в этой проклятой стране! Потому, что патрули обстреливают. За нами охотятся, как за зайцами. Тебе прекрасно известно, что в Кабуле и близлежащих кишлаках орудуют как минимум две банды моджахедов. Одна, состоящая из пуштунов, другая – из белуджей. И

цель у этих банд одна – убивать нас. Просто отстреливать, как бешеных псов. Мы не можем выйти за пределы базы. Нас повсюду здесь ждет смерть. Каждый выход на патрулирование для молодых офицеров – как восхождение на плаху. Вот они и нервничают. Им жить хочется, Эдвард, и вернуться домой. И, если честно, я не понимаю, за каким чертом мы вообще пришли сюда! Мало Ирака? Там коалиция облажалась по полной программе, и здесь нас ждет то же самое. Талибы уже заняли всю южную часть Афганистана. Они выдавливают нас на север. И, заметь, мы отходим, оставляем позиции и отходим. Почему? Потому, что не можем остановить этих фанатиков. Или я не прав, Эдди?

Командир бригады ответил:

– Ты не должен так говорить, Бобби! Не хватало еще, чтобы среди командиров частей началась истерия и паника.

– Я не понимаю, Эдди! Я объясняю тебе, почему мой лейтенант превысил скорость в Джангри. И высказал свое мнение по отношению к тому, в какое дерьмо нас в очередной раз засунуло родное правительство, трубя по всему свету о том, что мы успешно помогаем дикарям стать цивилизованными людьми и добиться торжества демократии. Так кто больше врет? Мой лейтенант или те, кто протирает штаны в Пентагоне и Белом доме?

Полковник повысил голос:

– Прекрати, Бобби! Не забывай: ты еще на службе, а не дома на пенсии и обсуждать приказы командования не име-

ешь права.

– Правильно! Я имею здесь одно право – сдохнуть во имя Великой Америки. Или стать инвалидом, увешанным побрякушками, на которые не скупятся наши начальники. Но ты прав, действительно меня что-то повело не туда, куда надо. Закроем эту тему. По поводу же действий мобильного патруля, считаю, что он не виновен в смерти женщины и ее ребенка. Мне тут из посольства некий Брайтон звонил.

Командир бригады кивнул:

– Я в курсе. Это секретарь посольства.

– Он попросил представить отчет о происшествии в Джангри с рапортом начальника патруля.

Фрин, усмехнувшись, прервал майора:

– И ты, конечно, послал в задницу канцелярскую крысу!

– Нет, а следовало бы! Я ответил, что не подчинен клеркам из дипломатического ведомства. Брайтон пообещал мне создать проблемы. Но ты знаешь, мне уже на все плевать. И никаких отчетов в посольство я представлять не буду. Тебе как непосредственному начальнику без вопросов – хоть отчет, хоть рапорт, хоть объяснительную. Брайтону же ничего представлять не буду.

– Не заводись! Отчет в посольство составит штаб бригады на основании рапорта Вульфа, и я сам передам его послу. От тебя требуется немного – характеристика на лейтенанта. Она завтра с утра должна лежать у меня на столе. Это понятно?

– Так точно, сэр! Будет вам характеристика.

– Вот и хорошо! – Полковник поднялся, прошелся по отсеку. У сейфа повернулся к комбату: – Знаешь, Бобби, что меня больше всего удивляет в Афганистане?

– Не знаю!

– То, что мы, американцы, носа высунуть не можем с базы без риска заполучить пулю снайпера – в этом ты совершенно прав. А сотрудники русского посольства свободно разгуливают по Кабулу. Без оружия и без сопровождения. А ведь они девять лет воевали здесь. И действовали жестко, особо не церемонясь с душманами. Всю территорию контролировали. И кишлаки бомбили, банды валили подчистую. Но афганцы почему-то относятся к ним дружелюбно. Даже те, кто в восьмидесятые противостоял им. Мне недавно рассказали, что в Кабул из России прилетала группа бывших военных, которые воевали здесь. Прилетала по приглашению кого бы ты думал? Полевых командиров, которые в свое время яростно сражались с Советской армией. Тогда русские были для них гяурами, а сейчас стали друзьями – шурави, мать их. Вместе по местам боев ездили – и везде их принимали как самых дорогих гостей. Удивительно! И для меня совершенно непонятно. Представь, что произошло бы, выйди мы с тобой в город. Назад не вернулись бы. А русских не трогают; более того, по данным разведки, подавляющее большинство племен предпочли бы присутствие в стране российского контингента, а не нашей коалиции.

— А я ничего в этом удивительного не вижу, — ответил майор, — русские умеют воевать — и воевать хорошо. На Востоке это ценится. Воин достоин уважения, даже если он враг. Русские — воины, вот к ним афганцы и относятся подобающим образом. Особенно тогда, когда война осталась позади. Мы же занимаемся непонятно чем. Вот ты, как командир бригады, без пяти минут генерал, скажи, какую цель преследуют на данном этапе наши войска? Какого черта мы ежедневно высылаем патрули на объезд территории, прилегающей к базе? Каков смысл в этом патрулировании?

Полковник подошел к другу:

— Тебе, Бобби, отвечу: мы действительно по уши увязли в дерьме. Введение войск в Афганистан считаю ошибкой политиков. Но влезть в дерьмо легко, а вот выбраться из него сложно, если вообще возможно. В Белом доме забыли Вьетнам и вновь наступили на те же грабли. Насколько мне известно, сейчас в администрации лихорадочно ищут выход из сложившейся ситуации. И, судя по всему, не находят. Вывести войска значит опозориться перед всем мировым сообществом. Продолжать оставаться — неминуемо и в ближайшем времени столкнуться с талибами. И чем закончится это столкновение — не знает никто. Не уверен, что мы сможем разгромить их орды. И тогда наступит крах. Сейчас одна надежда на предстоящие выборы, на то, что новый президент примет правильное решение и, сохранив лицо, уберет войска из Афганистана, а возможно — и из Ирака.

Рэмпси проговорил:

– Или решит одним ракетным ударом стереть с лица земли юг этого чертова Афганистана.

– Или так, – кивнул полковник.

– Хорошо, что я уберусь отсюда раньше, – сказал майор. – Если, конечно, доживу до этого дня.

Фрин улыбнулся:

– Доживешь, Бобби! Главное – не высовывайся с базы и не порть отношения с начальством. И все будет о'кей!

– Постараюсь!

– Завидую я тебе, Боб! Приедешь домой, к жене, в небольшой, уютный дом, где не надо будет вскакивать по сигналу тревоги, выходить в рейды, рискуя потерять голову, спать в этих модулях, изнывать от жары, видеть морды ненавидящих тебя дикарей! Завидую!

– Так подай рапорт об отставке! Положенный срок ты отслужил, пенсию заработал. Какие проблемы? Но ты не сделаешь этого, Эдди! Ты хочешь стать генералом. И ты станешь им, если выживешь в этой дурацкой войне, чего я тебе искренне желаю! А я вернусь домой майором, мне генеральские, да и никакие звезды и чины, не нужны. Вот только насчет жены ты не угадал.

– В смысле? А Лора?

Комбат невесело усмехнулся:

– Лора! Лоры, Эдди, больше нет!

Фрин уставился на друга:

– Как это нет? Она... она...

Рэмпси прервал полковника:

– Да нет, ты не о том подумал. Лора жива, здорова и, наверное, счастлива.

– Подожди-подожди, так вы что, расстались?

– Расстались. Не стала дорогая супруга ждать своего солдата с войны. Впрочем, она всегда мечтала о жизни богатой, беспечной. И когда подвернулся случай, воспользовалась им!

– О чем ты говоришь, Боб?

– В общем, Эдди, жена на вечеринке в своей фирме познакомилась с одним стареньким, но очень богатым джентльменом, владельцем этой самой фирмы. Одной из многих. Ну и вскружила голову почтенному бизнесмену. Да так, что тот уже на следующий день сделал ей предложение. Лора, естественно, согласилась. Глупо бы было упускать такой шанс. Короче, сейчас она живет с ним в Канаде. Прислала письмо, в котором запросила согласие на развод. Я ответил, что согласен, а формально развод оформим, как только вернусь в Штаты. Думаю, больше я Лору не увижу. Наверняка бракоразводным процессом будут заниматься адвокаты набитого долларами похотливого старикана. Вот так, Эдди! Нет у меня больше жены!

– Вот это новость! – произнес полковник. – Но как она могла так поступить с тобой?

– Как видишь, очень даже просто! Но это даже к лучшему.

Я уже отвык от семейной жизни. Детей у нас нет, а значит, нет и никаких обязательств. Признаться, еще до ее письма я иногда подумывал, что надо бы расстаться с Лорой.

– Но ты ведь любил ее?!

– Вот именно, что любил! Раньше, когда еще верил в любовь, в верность и прочую ерунду. Сейчас я уже не тот романтический юноша. Я стал другим. Мне не нужна жена. Хочу жить один. Пить, гулять, трахать проституток, благо, в моем городке в них недостатка нет. Я хочу забыть о войне, Эдди! И прожить остаток дней своих в разгуле и разврате. Взять все, что смогу и успею! Так для чего мне жена? Сейчас я даже благодарен Лоре за то, что она решила уйти, освободив от оков брака и себя, и меня! Наверное, ты не поймешь этого, что, в принципе, не важно. Важно другое. Дождаться того дня, когда борт перебросит меня в Штаты. Ну а уж там... там все будет так, как захочу. И никто не сможет помешать мне. Никто!

Фрин покачал головой:

– Сломала тебя война, Боб! А тут еще измена жены. И не говори ничего. Мне запудрить мозги ты можешь, себе – нет. Так что не надо слов. Я не осуждаю тебя, и ты вправе распоряжаться своей жизнью, как захочешь, только помни, если что, ты всегда можешь рассчитывать на меня.

– Я это знаю, Эдди, спасибо!

– Да не за что. Но пока ты не уволен, прошу, держись.

– Не волнуйся, полковник. Завтра представлю характери-

стику на Вульфа. В 9:00 она будет у тебя в кабинете. И еще, докладывая ввиду изменившейся после случая в Джангри обстановки я решил внести изменения в маршрут патрулей. С завтрашнего дня они будут обходить Джангри через Багихель.

– Разумно! Я утверждаю твое решение. Об усилении мобильных групп не думал?

– Считаю, в этом нет никакой необходимости. Взвод вполне в состоянии решать те задачи, что ставятся перед мобильным патрулем.

– О'кей, Боб, мне пора в штаб. Там еще часа на два работы!

– А я буду отдыхать!

Комбриг вышел из отсека командира батальона, покинул модуль.

Проводив Фрина, Рэмпси вновь открыл холодильник. Достал бутылку виски. В ней оставалось еще граммов пятьдесят. А большего на сегодня майору не требовалось.

Глава вторая

Кишлак Джангри, полночь.

В селение со стороны Кабула въехал джип. Медленно, сопровождаемый сторожевыми собаками кишлака, доехал до ворот дома, напротив которого вечером произошла трагедия. Из салона внедорожника вышел мужчина, одетый не в национальную одежду пуштунов, а в черную военную форму без каких-либо знаков различия. Сторожевой пес бросился к мужчине, но тот лишь поднял руку – и собака остановилась, завиляв обрубок хвоста.

Мужчина подошел к воротам, сильно постучал. Вскоре приоткрылась калитка, и молодой голос тревожно спросил:

– Кто здесь?

– Отец дома?

– Да!

– Мне нужно с ним переговорить. Передай отцу, что приехал Фарид. И побыстрее, юноша!

Парень бросился в мужскую половину дома, хозяин которого еще не ложился спать. Он приказал сыну проводить гостя в дом. Спустя минуту Фарид Нардани, командир отряда пуштунов, охотящихся на американцев, приказав водителю отогнать внедорожник за кишлак, вошел в комнату хозяина дома. Поздоровался:

– Ассолом аллейкум, Эkbале!

– Ва аллейкум assolом, Фарид!

Афганцы по традиции обнялись.

– Что привело тебя ко мне в столь поздний час, охотник на неверных? – спросил хозяин дома.

– Желание узнать подробности того, как сегодня у вас погибли молодая женщина и ее грудной ребенок.

– Так ты уже знаешь о трагедии?

– Весть о ней достигла Кабула, поэтому я здесь, у тебя.

Экбале указал гостю на кошму и разложенные на ней подушки:

– Присядь! Чаю выпьешь?

– Не откажусь!

– Тогда устраивайся и немного подожди.

Хозяин дома вышел из комнаты. Вскоре вернулся вместе с одетой во все черное женщиной, лицо которой было прикрыто платком. Виднелись лишь глаза, большие, черные, красивые. Но они не смотрели на Фарида. Женщине нельзя смотреть на чужого мужчину. Таков обычай. Она поставила перед Фаридом поднос с чайником, сахарницей и пиалами. И тут же покинула комнату. Экбале присел напротив гостя, разлил чай по пиалам.

– Расскажи лучше, как проклятые янки убили женщину и ребенка, ведь трагедия произошла рядом с твоим домом? – попросил Фарид.

– Да! И я все видел. – Отпив глоток чая, Экбале рассказал о том, что произошло:

– У второй жены Себгатуллы, что живет через дорогу, заболел ребенок. Она пошла с ним к соседу-лекарю. Тот что-то сделал, и мальчик успокоился, уснул. До этого сильно плакал, здесь было слышно. Анахита, жена Себгатуллы, вышла с ребенком на улицу, когда американский патруль въехал в кишлак. Машины ехали очень быстро, но женщина, видимо, решила, что успеет перебежать дорогу. И она успела бы, если бы не споткнулась. Женщина упала, выронив сына. А когда поднялась вместе с ним, бежать было поздно. Первая машина сбила ее. Анахиту отбросило к забору, ребенок же попал под колеса. От мальчика почти ничего не осталось. Американцы же ушли из кишлака как ни в чем не бывало. Даже не остановились.

Фарид спросил:

– Водитель, увидев на дороге женщину, пытался затормозить?

– Нет!

– А он мог это сделать?

– Не знаю! Но после того, как янки сбили женщину, они поехали еще быстрее.

– Ты говорил, что они и так ехали быстро.

– Да, очень быстро. Так ездить в селениях нельзя. Чуть замешкаешься – и попадешь под колеса. А в это время, когда патрули обычно проходят Джангри, на улице еще много детей. Их загоняют домой, как только видят приближение колонны, но дети есть дети. Кто послушается, а кто нет! Рано

или поздно подобная трагедия должна была случиться. Вот и случилась!

– Сколько лет было матери?

– Шестнадцать! А ее сыну несколько месяцев.

Нардани, задумавшись, произнес:

– Значит, американцы ехали через кишлак очень быстро. – И, допив чай, резко поднялся: – Спасибо за угощение, Эkbале. Я узнал то, что хотел узнать, и теперь мне пора вернуться в Кабул.

Встал с кошмы и хозяин дома. Спросил:

– Зачем тебе нужны были подробности этой трагедии, Фарид?

– Ответ на свой вопрос ты узнаешь уже завтра!

– Что ты задумал?

– Извини, Эkbале, но то, что я задумал, тебе знать не надо!

– Ты хочешь наказать американцев?

– Проводи меня!

– Подожди! Не делай этого! Ты отомстишь им, они же отомстят нам!

Фарид слушал, но не слышал хозяина. Вернее, делал вид, что не слышит:

– До свидания, Эkbале! Спокойной ночи!

– Фарид, умоляю...

Нардани повысил голос:

– С каких это пор воины-пуштуны стали унижаться? Просить, умолять? Ведь ты же воин, Эkbале, воевал с гяурами.

Что с тобой произошло сейчас? Ты смирился с участью раба? Ты готов лизать пятки американцам, лишь бы они не тронули тебя? Ты испугался этих шакалов, которые сами боятся собственной тени? Или я сплю и передо мной не воин Экбале, а видение? Что замолчал? Говори?!

Хозяин дома вздохнул:

– Ты правильно понял меня, Фарид. Ступай. Да поможет тебе Всевышний, больше мне тебе сказать нечего!

Нардани развернулся, вышел во двор, достал рацию, сказал в микрофон несколько слов. Почти тут же к дому Экбале подъехал джип. Фарид сел в салон, и внедорожник поехал обратно в Кабул.

Проводив взглядом машину полевого командира, Экбале вновь вздохнул и задумался.

Фарид решил отомстить. Иначе зачем он приезжал в Джангри? Ему надо было узнать подробности трагедии. Он все узнал и принял решение. Нардани отомстит за гибель Анахиты и ее сына. Он слово держит всегда и принятых решений не меняет. Конечно, американцы заслужили наказания. Но действия Фариды неминуемо приведут к ответным мерам янки. Впрочем, а что могут сделать американцы? Не разбомбят же кишлак? Им открытая война не нужна. И без нее не сладко приходится. И все же лучше было бы не подливать масла в огонь. В Кабуле знают о происшествии, и американское посольство поставлено в известность. Виновников гибели женщины и ребенка накажут. Не исключено, что из-

винятся, выплатят Себгатулле какие-то деньги. Не надо бы раздувать пламя войны. Но такие, как Фарид, не успокоятся, пока сами не накажут американцев. Что ж, в конце концов, на все воля Аллаха. Как он решит, так и будет. И от судьбы не уйти, не спрятаться.

С тяжелым предчувствием надвигающейся большой беды Экбале отправил старшего сына спать и сам прошел в женскую половину дома.

Джип Нардани остановился возле ворот большого дома на окраине столицы Афганистана. Створки тут же распахнулись, и внедорожник въехал во двор. Из машины, кроме Нардани, вышли еще трое мужчин. Они пошли в сторону отдельного здания, напоминающего внешним видом казарму. Сам же Фарид проследовал в большой дом. Вооруженный охранник открыл створки двери, пропуская полевого командира. Нардани прошел в комнату, которой заканчивался коридор. Там находился мужчина, в такой же, как и у Нардани, форме. Он спросил Фариду:

– Как съездил в Джангри, саиб?

Нардани, сбросив куртку, ответил:

– Я узнал то, что хотел узнать.

– И что именно, если не секрет? Американцы могли избежать наезда на женщину с ребенком?

– Могли! Если бы не превысили скорость. Но не в этом дело.

– А в чем?

– В том, что они не считают нас за людей. Эти трусливые шакалы должны быть наказаны. Мы не можем позволить их патрулям давить наших женщин и детей, как кур. И мы их накажем. Ты, Селим, собрал весь отряд?

– Кроме тех, кто находится на снайперских позициях.

– Значит, здесь сейчас две группы?

– Да, Алима и Мохаммеда. Плюс твоя охрана.

– Хорошо! Сейчас можете отдыхать, а утром я скажу, что делать.

– У тебя уже есть план?

– Да, у меня есть план! И янки, которые завтра выйдут на патрулирование района Джангри, на базу не вернутся.

– Ты решил уничтожить всю патрульную группу?

– Одну из них! Ту, у которой маршрут по южному сектору.

– Хорошо! Но ты учел вариант, что завтра американцы могут усилить свои колонны?

– Я все учел, Селим! А сейчас спать!

– А ужин?

– Не хочу! Проверь охрану и тоже отдыхай. Завтра, точнее, уже сегодня, в 10.00 совещание. На нем быть тебе и командирам групп. В 9.00, как всегда, доклад по обстановке и результатам ночной работы снайперов. Надеюсь, хоть одного американца они уничтожат?

– Это как повезет!

Заместитель командира боевой группировки, активно противостоящей войскам западной коалиции, и в первую

очередь американцам, покинул комнату.

Сбросив штаны, обмывшись, Фарид лег на матрац у самого окна и тут же уснул крепким сном.

Четверг, 10 июля 2008 года.

Усадьба Нардани.

Фарид, несмотря на то что лег спать всего несколько часов назад, в 7 утра был уже на ногах. Он всегда по привычке вставал в это время. Принял контрастный душ, переоделся в чистое белье, надел свежую черную форму. Плотно позавтракал. После чего устроился на топчане, покрытом дорогим ковром, скрестив по-восточному ноги и разложив перед собой карту местности, по которой проходил один из маршрутов американских мобильных патрулей, захватывающий кишлак Джангри.

В 9.00 в комнату вошел его заместитель:

– Ассолом аллейкум, Фарид!

– Ва аллейкум ассолом, Селим! Какие новости?

– По снайперам. В 5 утра одному из бойцов удалось подстрелить часового у караульного помещения.

– Подстрелить – это как? Наш боец убил американца или только ранил?

– Точно сказать не могу, но если и ранил, то тяжело. Пуля, как доложил снайпер, попала часовому в шею!

– В шею? Значит, если не убила сразу, то и шансов выжить не оставила. Это хорошо! Людей с позиций убрали?

– Как всегда!

– Что еще?

– Наш человек, внедренный к янки, сообщил имена командира патруля и водителя головной машины, что сбила женщину в Джангри, а также то, что посольство США намерено провести расследование по этому происшествию!

Нардани взглянул на заместителя:

– Мне плевать, что намерено предпринять посольства США, и имена подлых шакалов не нужны. Для нас любой американец – враг, подлежащий уничтожению. А агенту передай, чтобы занимался делом. А именно: ему надо попытаться узнать, какие указания командование батальона, что контролирует южный сектор, будет давать патрулям на сегодняшний выход. Это важно!

Селим кивнул:

– Я передам задание нашему человеку. Но... не уверен, что он выполнит его. Все же возможности агента крайне ограничены. Он простой служащий подразделения обеспечения!

– Я знаю, кто он и какие у него возможности. Поэтому и сказал, чтобы агент попытался узнать важную для нас информацию. Не получится – обойдемся без нее! Что еще?

– Пока все!

– Нет, Селим, не все, ты же словом не обмолвился о вооружении! Партия из Кандагара должна уже быть на подходе. Ты выходил на связь с караваном?

– Конечно, я связывался с Али. Вчера в 22.00 караван остановился на отдых в лесном массиве у Байрани.

– У Байрани? Значит, сейчас караван в ущелье и до базы хранения ему осталось пройти чуть более тридцати километров. К полудню он должен быть на месте.

– Да, в полдень Али должен привести караван на базу!

– Встретишь его лично! – приказал полевой командир.

– Но там есть люди, отвечающие за базу и прием грузов.

– Ты плохо понял меня? Если я сказал, чтобы ты лично встретил караван, то так должно и быть!

– Слушаюсь!

– Это не все! Ты не просто встретишь караван. Ты приведешь сюда шесть гранатометов из новой партии. Шесть российских гранатометов «Муха». В комплекте. Они должны быть в усадьбе не позднее 14 часов.

– Но Али без твоего приказа ничего не даст мне!

– Ты передашь ему мой приказ. А если Али заартачится, то свяжется по радиации со мной! Понял?

– Понял! Однако многое будет зависеть от того, во сколько фактически Али приведет караван на базу!

– Чтобы этого не произошло, корректируй движение каравана, поддерживая с Али постоянно связь!

– Да, саиб!

Фарид поднялся, прошелся по комнате. Взглянул на часы, повернулся к заместителю:

– Сейчас 9.40. Вызывай Алима с Мохаммедом. Проведем

совещание раньше. Заодно уточни данные по каравану.

– Слушаюсь!

– Иди!

Спустя пять минут заместитель Фарида вернулся в сопровождении командиров боевых групп отряда Нардани. Фарид предложил подчиненным присесть на ковер. Обратился к Селиму:

– Что по каравану?

– Идет по графику. Али готов передать гранатометы, но, как я и говорил, лишь после твоего, Фарид, прямого приказа.

– Я понял. Караванщик получит нужные указания.

Нардани перевел взгляд на командиров групп:

– Вы уже слышали, Алим и Мохаммед, что произошло вчера вечером в кишлаке Джангри.

Ответил Мохаммед, и в голосе его звучали угрожающие нотки:

– Еще бы! Ведь Себгатулла, чью жену и ребенка убили американцы, является моим двоюродным братом.

Фарид воскликнул:

– Вот как? Не знал! Прими мои соболезнования, Мохаммед!

– Принимаю. Но сердце жаждет мести, Фарид.

– Поэтому я и собрал вас. Для того, чтобы сообщить, что я принял решение уничтожить один из патрулей американцев. Провести акцию возмездия за гибель невинных людей в Джангри.

Мохаммед приложил руку к левой стороне груди:

– Фарид! Я всегда уважал тебя как воина. Хотел просить разрешения атаковать патруль своей группой. Ты же... сам решил наказать американцев. Благодарю.

– Не за что меня благодарить, Мохаммед! Любой правый на моем месте поступил бы так же. Но давай оставим эмоции и перейдем к делу.

Нардани стянул карту с топчана, положил ее перед подчиненными. Сказал:

– Мы знаем, что американцы ежедневно высылают на объезд территории, прилегающей к Кабулу, несколько мобильных патрулей, состоящих, как правило, из трех «Хаммеров», в которых находятся взвода частей пехотной бригады США. Через Джангри, где вчера произошла трагедия, проходит маршрут патруля северного направления. Вот этим направлением мы и займемся. В 12.00 американское командование проводит инструктаж подразделений, выходящих на патрулирование. Наверняка сегодня третий, северный, маршрут будет подвергнут корректировке. Наш человек в американском гарнизоне попытается получить нужную информацию, но шансы на это у него мизерные. Однако подождем до 13.00. Если агент ничего не сможет сделать, отработаем план уничтожения патруля самостоятельно. В 14.00, надеюсь, Селим доставит в усадьбу русские гранатометы, и нам будет чем угостить «Хаммеры» американского патруля, которые обычно выходят в рейды ежедневно ровно в 15.00. Сейчас

и до 13.00 Алиму с Мохаммедом готовить группы к выходу. До этого Селиму следует отправиться за гранатометами. Как только он вернется, собираемся вновь, принимаем окончательный план по уничтожению вражеского патруля. Каждому командиру группы подготовить собственный вариант предстоящих действий. В 15.00 одновременно с американцами Кабул должны покинуть и мы. Вопросы на данном этапе?

Вопросов у командиров боевых групп не было. Нардани отпустил моджахедов, заместителю же приказал принести станцию дальней связи. Селим выполнил приказание начальника.

Проводив командиров групп, он вернулся в комнату Фарида, где стояла современная японская радиостанция.

– Вызови Али! – приказал Нардани.

Селим кивнул и включил станцию. Вскоре передал переговорную трубку Фариду, доложив:

– Караванщик на связи!

– Ты сейчас где? – спросил Нардани.

– В ущелье, – ответил Али. – В полдень, как и запланировано, должен выйти к базе, если, конечно, ничего не случится. Недавно над караваном пролетел американский вертолет.

– Разведчик?

– Скорее всего, да! Но сейчас по стране перемещаются много караванов. Однако исключить проявления повышенного интереса со стороны янки именно к нам нельзя.

– Будем надеяться, что ничего непредвиденного не про-

изойдет.

– На все воля Аллаха!

– Ты прав. Али, тебе нужно передать мой приказ на передачу шести комплексов «Муха» моему человеку.

– Я понял тебя. И выполню приказ!

Нардани отключил трубку, вернул ее Селиму. И сказал:

– Али передаст тебе гранатометы. В полдень ты должен быть на базе. А в 14.00 – здесь. Вопрос: как мы узнаем, смог ли наш человек в американском гарнизоне получить нужную нам информацию, ведь он привязан к тебе?

Селим ответил:

– Я могу связаться с ним до убийства на базу, и он позже выйдет на тебя.

– Агент не знает, на кого конкретно работает. Ты для него – промежуточное звено. И он это прекрасно понимает. Раскрывать меня нежелательно, так как у нас нет стопроцентной гарантии, что агент не ведет двойную игру.

– Так не обязательно называть твое имя. А лучше я передам ему, чтобы он связался с человеком, якобы являющимся моим помощником.

– Хорошая мысль. Пусть связывается со мной, используя имя Курбан.

– Слушаюсь!

– Тогда обработай агента, бери «УАЗ», документы и двигай к базе. Возьми с собой пару человек из резерва. И помни: в 14.00 ты должен быть здесь вместе с гранатометами. Рань-

ше вернуться можешь, позже – нет.

– Я все понял!

– Станция остается здесь, ты же иди! С агентом найдешь, как связаться!

Через двадцать минут «УАЗ» с Селимом и двумя пуштунами из резервной группы отряда Нардани, благополучно пройдя Кабул, поехал на юго-восток от столицы Исламской Республики Афганистан. В 12.05 заместитель Фарида доложил о благополучной встрече каравана и получении нужного груза.

Агент, работающий на моджахедов, дал о себе знать в 12.20. Именно в это время, когда Фарид находился в комнате, японская станция подала сигнал вызова.

Нардани ответил кратко:

– Да?

Услышал вопрос, заданный явно еще молодым человеком:

– Прошу ответить Курбана!

– Курбан на связи!

– Передайте начальнику, что мне не удалось узнать то, что он просил. Кроме того, что состав патрулей не изменился. Это все!

Агент отключил связь.

Выключил трубку и Фарид, подумав: «Агент не смог получить информацию по содержанию сегодняшнего инструктажа американских мобильных патрулей, особенно того, кото-

рому предстояло отработать северное направление. Это, конечно, плохо, но не смертельно. Придется самому просчитать возможные изменения, которые американцы могли внести в обычный режим патрулирования. А внести их они были должны. Хотя бы на несколько ближайших дней!» В принципе, план уничтожения американского мобильного патруля – тем более что количественный состав как техники, так и личного состава не изменился – Фарид уже продумал. И место засад, основной и запасной, определил, и время нападения рассчитал. Осталось дожидаться заместителя с гранатометами и согласовать план с командирами групп. И далее приступить к активной стадии акции возмездия, которая нанесет серьезный удар по янки. Решатся ли они на ответные действия? Возможно, и решились бы, но на действия против кого? Мирных жителей кишлака? Нет, им и случая в Джангри по горло хватит. Против отряда мстителей? А где он? Его еще надо найти – не будут же бойцы Фариды ждать, когда янки их зацепят на месте уничтожения патруля. Они отойдут на базу, куда американцам ход закрыт. Так что придется господам офицерам «непобедимой» армии США, обильно умывшись в очередной раз кровью своих солдат, вновь пропустить удар и делать вид, что ничего страшного не произошло. Ведь война без жертв не бывает. А они в Афганистане без толку потеряли уже столько военнослужащих, что лишний десяток-второй трупов общей статистики заметно не ухудшит. На карательные меры американцы не решатся.

Тем более здесь, в окрестностях Кабула, где находятся посольства многих стран, в том числе и США. А вот еще один сигнал о том, что любые действия их войск безнаказанными не останутся и что пора бы убираться в свои Штаты, они получат. Серьезный сигнал. Да будет так!

Селим прибыл раньше установленного времени. В 13.43 он зашел в комнату Фарида, доложив:

– Твое приказание, саиб, выполнено. Караван встретил, шесть гранатометов получил.

– «РГП» в «УАЗе»? – спросил Нардани.

– Нет, я приказал перегрузить их в казарму размещения боевых групп.

– Хорошо! Молодец! А вот наш агент задание не выполнил. Ему не удалось узнать, о чем начальник штаба батальона, подразделения которого патрулируют южный сектор, инструктировал личный состав взвода, выходящего в рейд.

– Это объяснимо! Агент же служит в тылу.

– Но он все же сообщил ценную информацию. А именно: количественный состав патруля, выходящего на патрулирование сегодня, остался прежним. Американцы не посчитали нужным после случая в Джангри усиливать мобильный наряд. А что это значит? То, что они не рассматривают возможность нападения на их патруль. И это очень хорошо! Так! Не будем терять время, вызывай Алима с Мохаммедом. Проведем совещание – и вперед, на позиции.

– Слушаюсь!

Моджахеды собрались в комнате Фарида через пять минут, немного задержавшись на быстрый обед.

Расселись вокруг карты, лежащей перед командиром. Нардани провел синим карандашом извилистую линию, начертав неправильной формы овал, и объяснил:

– Как вы поняли, это маршрут движения мобильного патруля пехотного батальона, контролирующего северный район окрестностей Кабула. Он проходит через четыре населенных пункта – кишлаки Чармак, Джахакель, Сабанкох и Джангри. Протяженность маршрута – шестьдесят два километра, но это по карте, с учетом же наличия многочисленных повреждений дорог, особенно между Чармаком и Джахакелем, а соответственно, и объездов, фактически протяженность маршрута составляет не менее семидесяти пяти километров. Особенности состояния дорог, а также рельефа местности вынуждают американцев затрачивать на преодоление маршрута три часа, поддерживая среднюю скорость двадцать пять километров в час. Но медленно они идут в начале и середине пути, а на последнем этапе патрулирования скорость увеличивают. Вчера подобное ускорение привело к гибели молодой женщины и грудного ребенка, за что сегодня американцы должны понести жестокое наказание. Перед тем как изложить свой план, я хотел бы услышать варианты акции возмездия, предлагаемые командирами боевых групп. – Фарид взглянул на Алима: – Тебе слово, брат!

Алим предложил устроить засаду на участке дороги меж-

ду кишлаками Джахакель и Сабанкох, где колонна американцев вынуждена двигаться медленно.

Нардани кивнул, перевел взгляд на командира второй группы:

– А что предложишь ты, Мохаммед?

Тот ответил:

– Думаю, удобнее атаковать колонну янки из рощи, что находится на подъезде к кишлаку Чармак.

– Ясно! Оба варианта имеют право на рассмотрение, но не более того. Вы сделали ставку на то, что на указанных участках патруль следует медленно, объезжая множество естественных препятствий. Но не учли, что в это время американцы наиболее сосредоточенны и внимательны. Они также понимают, что наиболее уязвимы в данной обстановке. Поэтому готовы к отражению нападения. И рощу наверняка держат под прицелом своих пулеметов.

Мохаммед воскликнул:

– Но не у Джангри же или на участке от последнего селения до Кабула отрабатывать колонну?

– Нет, конечно, потому что американцы, по крайней мере сегодня, не пойдут через Джангри, прекрасно понимая, какой прием им могут устроить жители кишлака, только что похоронившие женщину и ребенка, убитых предыдущим патрулем. Я уверен, что они используют объезд через кишлак Багихель. Селение небольшое, к тому же большинство мужчин уйдут в Джангри. Там можно без особых проблем

пройти потенциально опасный последний участок маршрута. И вот на выезде из кишлака, там, где дорога проходит между двух холмов, и следует устроить засаду американцам.

Алим спросил:

– А если все же янки пойдут через Джангри? Вновь увеличат скорость и протаранят кишлак, показав тем самым, что не считают местных жителей способными защитить себя, продемонстрировав, кто сейчас здесь настоящий хозяин? Разве такое невозможно?

Нардани ответил:

– Практически невозможно, теоретически – вполне возможно. От янки можно ожидать всего. А наглости, цинизма и надменности им не занимать. Я рассматривал и этот теоретически возможный вариант, поэтому предлагаю организовать две засады. Основную – в районе кишлака Багихель, где сосредоточить основные силы, и запасную – на выезде из Джангри, куда направить группу из шести человек, причем разделив гранатометы поровну. По три в каждую группу. Это позволит у Багихеля полностью уничтожить патруль американцев, у Джангри как минимум нанести ему серьезный ущерб.

– Что ж, похоже, Фарид и сейчас прав, – проговорил Мохаммед. – Я согласен с его планом.

Согласились с вариантом Нардани и Алим.

Убедившись, что подчиненные поддержали его, и это немаловажно при проведении боевой акции, требующей со-

гласованности действий каждого бойца, Фарид поверх карты положил начерченную от руки схему местности у кишлака Багихель:

– Тогда, братья, действуем так. На Джангри пойдет Алим с пятью бойцами своей группы. Оставшиеся пять воинов перейдут в распоряжение Мохаммеда, который усиленной группой оборудует позиции основной засады. Задача Алима проста. Разместить бойцов по обеим сторонам дороги в канавах или любых других естественных укрытиях примерно в километре от границы кишлака. При появлении «Хаммеров» – обстрел их из гранатометов и стрелкового оружия с последующим докладом и отходом на горную базу. Для передвижения группы, Алим, задействуешь «УАЗ», на котором Селим привез гранатометы. Основная группа выдвигается за внедорожником. Задачу основной группе Мохаммеда я поставлю лично и на месте. Общее руководство акции возмездия и группами на мне. Все действия только по моей команде, включая и отход. Основная группа будет также отходить на главную базу. Здесь, в усадьбе, до возвращения отряда останется в качестве охраны Селим и люди резервной группы. Вопросы?

– Как насчет связи между группами? – поинтересовался Алим.

Фарид ответил:

– Связь применяем в исключительных случаях, при докладах и для передачи команд на последующие после основ-

ной акции действия, в частности при отходе и при необходимости корректировки его вариантов. На подходе к брошенному селению, откуда ведет дорога на базу, в эфир не выходим. И еще, касаясь группы Алима. Ни в коем случае бойцы запасной группы не должны быть замечены населением Джангри. Нам стихийный мятеж в кишлаке не нужен, а он может вспыхнуть, если мужчины Джангри увидят вооруженных воинов и поймут, для чего они прибыли к селению. Впрочем, это касается и основной группы. Мы должны нанести мгновенный удар по противнику, уничтожить его и быстро скрыться с места боя, исключив вероятность вражеского преследования. Так в восьмидесятых годах действовали советские подразделения спецназа. И им малыми силами удалось не только уничтожать довольно крупные и неплохо подготовленные в Пакистане отряды наших соплеменников, но и без потерь уходить из района боестолкновения. К слову, русские никогда не бросали своих. Ни раненых, ни мертвых. Трупы убитых иногда заваливали камнями, но всегда позже возвращались за ними. Они умели воевать. И мы должны воевать с американцами, как это делали русские. Но достаточно слов, пора выезжать. Делимся на две группы прямо здесь, отсюда и расходимся по позициям. Алим, быстро определи, кого возьмешь с собой, а группы сядут в машины, которые должен подогнать к воротам Селим. – Нардани взглянул на заместителя: – Ты меня понял, Селим?

– Понял, командир!

– Отлично. За дело!

Командиры групп вышли из дома и объявили построение своим подчиненным. Проведя разделение групп, объявили посадку во внедорожник. В 14.50, опережая на десять минут выход американского патруля, машины моджахедов отправились к Джангри и Багихелю. Им предстояло пройти от пятнадцати до двадцати километров.

В этот же четверг, 10 июля, день в N-ском отдельном пехотном батальоне начался с подъема в 7 часов утра. Общее построение после завтрака провел начальник штаба, так как командир убыл в штаб бригады, чтобы передать полковнику Фрину обещанную характеристику на лейтенанта Вульфа.

– Ночь прошла спокойно, Эдди? – поинтересовался Бобби Рэмпси у комбрига.

– Если бы, – ответил полковник. – В пять утра зазевавшегося часового у караульного помещения снял снайпер.

– Убил?

– Да! Пуля попала рядовому в шею. Черт бы побрал этих снайперов, еще один гроб отправлять в Штаты.

– Послушай, полковник, нам прекрасно известно, что против гарнизона действуют две бригады – пуштунов и белуджей. Их так и называют – охотниками за американцами, будто мы какие-то беззащитные кролики. Не пора ли принять меры и нанести по ним удар?

Фрин кивнул:

– Пора, Боб, давно пора. Вопрос, как и где нанести этот удар. Снайперы занимают позиции каждый раз на новом месте. Они работают в одиночку, местное население поддерживает их и готово укрыть в любую минуту. Сегодня утром я выслал комендантский взвод прочесать район, откуда был сделан выстрел. И что? Ничего. Никто никого не видел, никто ничего не слышал. Определили дом, с крыши которого стрелял снайпер. В нем живет семья из восьми человек – муж, жена да шестеро детей. Так даже дети не проговорились о том, что у них был посторонний человек.

– Может, стрелял сам хозяин дома?

– Проверили. Нашли охотничье ружье, пару гранат, советских «РГД-5», пулеметную ленту. На крыше – ни единого следа. Баллистики же точно указали на этот дом. Что делать? Арестовать главу семейства? Так целый квартал поднимется. И какие у нас есть основания задерживать его?

– Заключение баллистиков.

– Этого недостаточно и не является основанием для обвинения хозяина дома в совершенном преступлении. Мало ли кто мог забраться на крышу его хибары? Так что не все так просто, Боб!

Рэмпси воскликнул:

– Но если мы будем бездействовать, то скоро нас начнут отстреливать пачками.

Комбриг взглянул на боевого товарища:

– Не обижайся, Боб, но твоим парням не следовало бы в

кишлаках сбивать мирных жителей. Слишком уж они у тебя пугливые. Убийство часового, возможно, не имеет отношения к происшествию в Джангри, так как отряды пуштунов и белуджей давно охотятся за нашими военнослужащими, но что-то мне подсказывает: случай в кишлаке еще аукнется нам. И, что самое дерьмовое, Боб, мы ничего не можем сделать, дабы предотвратить последствия возможных контракций со стороны моджахедов. Но ладно, поезжай в батальон, мне пора в посольство. Отбивать твоего Вульфа.

– Он в равной степени мой, как и твой. Лейтенант – наш подчиненный, и мы обязаны защитить его!

– Конечно, Боб!

Комбат вернулся в часть. Оставив машину у технического пункта парка, пошел в штабной модуль через плац. Высокие пирамидальные тополя начисто скрывали его от той части города, что вплотную примыкала к охранной зоне батальона.

На плац со стороны офицерского модуля вышел лейтенант Донвей.

Комбат подозвал его:

– Считаю, и прямо сказал об этом Бену, что он допустил ошибку, приняв решение увеличить скорость колонны в населенном пункте. Впрочем, сейчас это уже не актуально.

Комбат похлопал подчиненного по плечу:

– Я рад, что у тебя боевое настроение. И все же сегодня не устраивай игры со смертью, будь предельно осторожен на марше. Удачи тебе, Брюс!

– Благодарю, сэр! Все будет о'кей!

– С Анни Вильсон тоже?

– Почему нет? Она нравится мне, и, кажется, это чувство взаимно!

– Ну-ну, иди! До инструктажа осталось не так много времени.

– Есть, сэр!

Лейтенант вновь козырнул, четко развернулся и пошел к санчасти.

Майор же подумал, провожая взглядом удаляющуюся стройную фигуру офицера:

– Молодость! Ей все нипочем! И смерть представляется такой далекой, что о ней просто не думаешь. А она рядом, в постоянном поиске очередной жертвы. Будь прокляты войны. Большие, малые. И прокляты те, кто развязывает их.

Сплюнув на бетонную плиту плаца, комбат продолжил путь к штабному модулю.

Ровно в 12.00 лейтенант Донвей прибыл в модуль Управления части на инструктаж. Он был в обычном расположении духа, Анни сегодня неожиданно согласилась провести вечер вместе с лейтенантом, чего сам Донвей не ожидал. А где вечер, там и ночь. А Анни, стройная, в меру полноватая блондинка вполне может стать женщиной Брюса. Лишь бы патрулирование прошло спокойно. Но Донвей верил в свою исключительность. Он не мог погибнуть. Смерть на войне – не его участь. В приподнятом настроении он постучал в

дверь отсека начальника штаба. Услышал:

– Войдите!

Прошел в служебное помещение одного из заместителей командира батальона, доложил:

– Господин капитан, лейтенант Донвей на инструктаж в связи с выходом подчиненного взвода на боевое дежурство прибыл!

Капитан Стоун взглянул на часы:

– Вы пунктуальны, Донвей, и это хорошо. Присаживайтесь за стол-приставку.

– Есть, сэр!

Лейтенант устроился напротив начальника штаба.

– Донвей! Командир батальона с сегодняшнего дня приказал изменить привычный маршрут патрулирования территории ответственности батальона. Изменения касаются последнего этапа рейда. До кишлака Джангри патруль следует ранее утвержденным маршрутом, а вот далее, не входя в Джангри, он должен свернуть влево и обойти кишлак через селение Багихель. Тем самым протяженность маршрута увеличивается до семидесяти километров, то есть на восемь километров. Режим движения остается неизменным. Вне населенных пунктов скорость – до сорока миль в час, в кишлаках – до тридцати. Дистанция между машинами соответственно тридцать и пятнадцать метров. Особое внимание следует уделить участку между кишлаками Чармак и Джахакель, где дорога сильно разбита, а также роще, расположенной у селе-

ния Сабанкох. Вам, лейтенант, известно, что произошло вчера в Джангри. Связь – по прохождении каждого этапа маршрута. Происшествие вызвало волну возмущения у афганцев. Это может трансформироваться в желание нанести нам ответный удар. Поэтому во время совершения марша быть готовым ко всему. В случае нападения на колонну вы должны, по возможности не вступая в бой, на повышенной скорости выйти из опасной зоны, доложив о нападении в штаб батальона. Если же избежать боестолкновения не удастся, организовать круговую оборону, так же немедленно сообщив об этом в батальон. Мы тут же вышлем вам подмогу и привлечем для поддержки авиацию. Вопросы ко мне есть?

– Нет, – ответил лейтенант, – все ясно.

– Можете идти.

Донвей козырнул:

– Есть, господин капитан, – и отошел от комбата.

Ровно в 15.00 колонна мобильного патруля из трех «Хаммеров» и 18 бойцов взвода лейтенанта Брюса Донвея, пройдя контрольно-пропускной пункт гарнизона, вышла на маршрут выполнения боевой задачи. О чем агент моджахедов тут же оповестил Фарида Нардани. Колонна отошла от города без проблем, выехала на дорогу, ведущую к кишлаку Чармак, до которого было 14 километров. Машины шли, строго соблюдая порядок движения, установленный штабом, выдерживая скорость 40 миль в час и дистанцию между машинами в двадцать метров. Пока состояние дорожного по-

лотна позволяло это. Лейтенант, находясь в головной машине, внимательно следил за обстановкой, осматривая поочередно то левую сторону от дороги, то правую, осматривая наиболее тщательно склоны холмов. Справа вдали виднелась горная гряда. Первый этап маршрута колонна прошла без проблем. Миновав отчего-то совершенно внешне безжизненный кишлак Чармак, начальник патруля вызвал по бортовой радиостанции передовой машины штаб батальона.

Неожиданно вместо дежурного по части ответил сам командир батальона:

– 301-й! Я – Оазис! Слушаю тебя!

Справившись с удивлением и некоторой растерянностью, Донвей доложил:

– 301-й прошел первый этап марша без происшествий.

– Ничего подозрительного во время движения не заметил? – спросил комбат.

– Никак нет, кроме того, что сегодня на улице кишлака Чармак не было ни людей, ни животных! Хотя жители не покинули селение, по крайней мере женщины. В кишлаке пекут лепешки и готовят пищу. Над селением густой дым от их глиняных печей!

– Продолжай движение, и если что... немедленный доклад мне. Сегодня я буду сопровождать вас в эфире!

– Принял! До связи, Оазис!

– До связи, 301-й!

Лейтенант, отключив связь, осмотрел в бинокль остав-

шийся сзади кишлак. Обзору мешало пылевое облако, поднятое «Хаммерами», но Донвей смог увидеть, как на улице селения появились люди. Значит, они на время попрятались, пропуская вражеский патруль.

К офицеру обратился водитель головной машины:

– Сэр! Начинается сильно поврежденный участок дороги!

Необходимо сбросить скорость.

Донвей усмехнулся:

– По-твоему, я не знаю, что за дорога между двумя следующими кишлаками?

– Никак нет! Но без вашего разрешения я не имею права изменить режим движения!

Лейтенант отдал приказ колонне:

– Внимание всем! Снижаем скорость до необходимой для преодоления сложного участка дороги. Водителям второй и третьей машины ориентироваться по головному автомобилю, дистанцию не уменьшая. Командирам отделений быть в готовности к отражению нападения с флангов и тыла. Пулеметчикам занять позиции для ведения огня. Выполнять приказ!

Отключив бортовую станцию, Донвей отдал команду водителю своей машины:

– Солдат! Скорость – пятнадцать миль в час!

– Есть, сэр! – ответил рядовой. – Скорость – пятнадцать миль в час!

Без происшествий колонна прошла и второй, и третий

этап марша. В кишлаках Джахакель и Сабанкох лейтенант Донвей наблюдал ту же картину, что и в Чармаке. Улицы селений были абсолютно пустыми. Приближался кишлак Джангри. Не выходя на вершину холма, с которого был виден Джангри, начальник патруля приказал водителю головной машины свернуть на грунтовку, уходящую влево, передав по колонне:

– Внимание! Идем в объезд Джангри на Багихель. Всем быть предельно внимательными. Мы вошли в зону наиболее вероятного нападения противника.

После чего переключил связь на штаб батальона:

– Оазис, я – 301-й! Прием!

И вновь ответил майор Рэмпси:

– Оазис на связи!

– Примите доклад. Не выходя к Джангри, колонна патруля пошла на Багихель. Обстановка спокойная, ничего подозрительного не замечено. Пока, по крайней мере, не замечено.

– Я понял тебя, 301-й! Остался последний этап. Тебе надо пройти каких-то восемь километров, чтобы выйти из потенциально опасной зоны. Будь внимателен. Мы готовы помочь тебе по первому сигналу!

– Принял, Оазис! До скорой встречи на базе!

– Надеюсь, так оно и будет! Конец связи!

Глава третья

В 15.20, когда американский патруль завершил первый этап марша, за виноградниками небольшого кишлака Багихель остановились два джипа. Тут же группа вооруженных афганцев численностью в четырнадцать человек покинула внедорожники. Десять из моджахедов разбежались по сторонам, уйдя частью в виноградник, частью выйдя на его окраины, откуда могли видеть кишлак и прилегающую к нему с севера и юга территорию. Возле джипов остались командир отряда, водители и бойцы, вооруженные гранатометами. Получив доклад Мохаммеда о том, что в Багихеле и его окрестностях все спокойно, Нардани приказал моджахедам собраться возле машин. Дожидаясь подхода подчиненных, он отошел в сторону, извлек из чехла, закрепленного на груди, радиостанцию, вызвал командира второй группы:

– Алим! Я – Фарид! Что у тебя?

– Я на месте. Остановились в километре от Джангри. Здесь неплохая позиция для атаки колонны янки, если она решит пойти прежним маршрутом. Кругом все спокойно. Присутствия дополнительных сил американцев не наблюдается.

– Хорошо! Поддерживаем связь по необходимости!

– Как считаешь, Фарид, не отправить ли за Джангри наблюдателя? – спросил Алим. – Время обойти кишлак есть.

Он заранее предупредит нас, каким же все-таки маршрутом пойдет на последнем этапе американский патруль!

– Хорошая мысль! Согласен. Отправляй наблюдателя к месту, где от основной дороги отходит грунтовка на Багихель. Только пусть твой наблюдатель постарается укрыться у развалин так, чтобы его не заметили янки, использующие оптику.

– Конечно, командир!

– Действуй! До связи!

– До связи!

Отключив радиостанцию малого радиуса действия, Фарид подошел к собравшимся бойцам группы Мохаммеда. Обратился к ним:

– Братья, вы знаете, для чего мы здесь. Для того, чтобы отомстить проклятым янки за гибель невинной молодой женщины и ее младенца. И мы отомстим. Почему мы прибыли в Багихель, а не в Джангри, где проходит маршрут американских патрулей? Потому, что трусливые янки сегодня не пойдут через кишлак, где они подло убили женщину и ребенка. А если и решатся на подобную наглость, то там их встретят бойцы Алима. Но более вероятно, что американцы предпочтут обойти Джангри, и тогда для этого у них один путь – дорога через Багихель. Севернее кишлака дорога проходит между двух холмов. Там мы устроим засаду на проклятых убийц. Конкретную задачу каждому из бойцов я поставлю в районе холмов. Сейчас водителям следует загнать машины

в виноградник. После чего выдвигаемся в район оборудования позиций засады. Вопросы ко мне есть?

Вопросов у боевиков Нардани не было.

Водители отогнали джипы в виноградник, вернулись к группе, и Фарид повел своих бойцов к холмам. Путь занял несколько минут. Моджахеды поднялись на вершину западного холма, держась ближе к северному спуску, чтобы из кишлака их никто не видел. Фарид приказал подчиненным построиться. Боевики вытянулись в шеренгу.

Нардани указал пальцем под ноги:

– Здесь на этом холме останусь я, один из гранатометчиков и трое стрелков. На восточный склон уйдут командир первой группы Мохаммед также с одним гранатометом и четырьмя стрелками.

Фарид указал рукой на север, в сторону Кабула:

– За холмами слева от нас небольшая балка или, точнее, канава. Это место для позиции третьего гранатометчика. Справа полоса кустарника. Там укроются два стрелка. Кого и где разместить, решит Мохаммед. Мы будем действовать следующим образом. Обычно колонна американцев вне населенных пунктов движется со скоростью километров пятьдесят-шестьдесят в час. Но между холмов, пройдя Багихель, им придется снизить скорость и уменьшить дистанцию между машинами. Думаю, здесь они пойдут не быстрее сорока километров в час. Как только вся колонна окажется на участке дороги между холмов, а передовая машина подойдет к вы-

ходу из опасной, стометровой зоны, мы и проведем штурм патруля. По моей команде гранатометчик из балки ударит по головной машине. По второму «Хаммеру» выстрелит гранатометчик с этого, западного холма, по третьему – боец с восточной высоты. После чего по подорванным машинам откроют огонь все стрелки. Далее группа также действует только по моей команде. В Кабул не вернемся, это смертельно опасно, уйдем на горную базу, где отсидимся какое-то время. Но до этого уничтожим патруль. Помните, любая оплошность, малейшая ошибка может резко изменить обстановку не в нашу пользу, и тогда не мы, а американцы устроят нам бойню! А сейчас, Мохаммед, займись распределением людей по позициям!

– Слушаюсь! – ответил командир первой группы отряда Нардани. И приступил к исполнению приказа начальника.

Фарид же прошел на середину вершины холма. Увидел ложбинку. То, что и надо для того, чтобы контролировать и управлять предстоящим штурмом. Он прилег на дно ложбины, посмотрел на часы. Стрелки показывали 16 часов 10 минут. Если все пойдет по графику американцев, то патруль объявится здесь через час. К этому времени бойцы отряда успеют подготовить засаду. Интересно, о чем сейчас думает начальник американского патруля? Чувствует ли он приближение смерти? Или спокойно курит, сидя в «Хаммере», уверенный в том, что на его колонну никто не посмеет напасть? Тем более в окрестностях столицы оккупированной страны?

Да, это было бы узнать интересно, но... невозможно. Уже никто не узнает, о чем в последние минуты своей недолгой жизни думал американский офицер. Ну и шайтан с ним. Все янки заслужили смерть. И чем дольше будут оставаться их войска здесь, тем больше гробов с трупами молодых солдат и офицеров полетит транспортными бортами в США. Пусть рыдает Америка. Ей не сломить Афганистан. Уничтожить, да, силы слишком не равны, а вот сломить – никогда!

Невольные размышления Фариды прервал сигнал вызова портативной рации. Он включил станцию и услышал голос Алима.

– Фарид!

– Да, брат?

– Наблюдатель занял позицию у развилки дорог на Джангри и Багихель.

– Быстро! Скажи, Алим, твой человек, проходя мимо Джангри, ничего особенного в кишлаке не заметил?

– Он отметил, что на улице много вооруженных мужчин.

– Понятно! Наблюдатель надежно укрылся?

– По его словам, да, а он у меня опытный воин!

– Хорошо! Ждать осталось недолго. Скоро справедливость восторжествует!

– Да будет так, Фарид!

Не доезжая высоты или холма, за которым открывался кишлак Джангри и где влево уходила грунтовая дорога на Ба-

гихель, лейтенант Донвей остановил патруль и вызвал батальон:

– Оазис, я – 301-й, прием!

– Оазис на связи! – ответил майор Рэмпси. – Как дела, 301-й?

– Подошли к повороту на Багихель. Остановил колонну, чтобы осмотреться. Тем более что идем, немного опережая график.

Комбат одобрил действия взводного:

– Правильно! Осмотреться никогда не мешает! Что видишь?

– Ничего подозрительного!

– Тебе до Багихеля ехать три километра по относительно открытой местности, затем сам кишлак и выход из него. Будь внимателен на участке дороги между двух холмов. Осталась ерунда, Брюс!

– Да, сэр!

– До связи! Как выйдешь на дорогу Джангри – Кабул, доложи мне!

Лейтенант отключил радиостанцию. Приказал водителю:

– Уходим на Багихель!

Колонна сошла с разбитой асфальтированной еще советскими специалистами дороги на грунтовку, петляющую между высокими холмами.

И тут же на связь вышел наблюдатель группы Алима. Он вызвал Нардани:

– Фарид, американцы пошли к вам!

Командир отряда моджахедов спросил:

– Как вели себя янки?

– Спокойно! По крайней мере начальник патруля нервозности не проявлял. Он остановил колонну перед холмом, с кем-то разговаривал по радиостанции, скорей всего с базой. В это время солдаты в «Хаммерах» осматривали местность. Из машин никто не выходил, разведку на холм янки не выслали.

– Я тебя понял! Свяжись со своим командиром и выполняй его указания! Конец связи!

Нардани, получив сообщение наблюдателя, передал по команде приказ основной боевой группе приготовиться к штурму вражеской колонны.

Три километра патруль прошел за пять минут. Бойцы внимательно следили за обстановкой. Ничего подозрительного не наблюдалось.

Лейтенант, увидев впереди кишлак, поднес к глазам бинокль. Центральная и единственная улица кишлака была пуста. Не заметил Донвей кого-либо из афганцев и во дворах за дувалами. Подумал, наверное, что люди ушли в Джангри или еще не вернулись с работ. Впрочем, отсутствие местных жителей было только на руку американцам. Можно пройти кишлак, не снижая скорости. Потенциально опасная зона находится за ним, где-то в восьмистах метрах от селения, там, где дорогу, образно говоря, зажимают с двух сторон поло-

гие, но довольно высокие холмы. Протяженность участка – около ста метров, затем спуск с поворотом к арыку и далее пять километров по открытой местности. Там местные при всем желании ничего не смогут сделать против патруля, ну если только заминировать дорогу. Но и это вряд ли. Если в отместку за гибель женщины и ребенка в Джангри пуштуны решили бы провести акцию возмездия, то устроили бы засаду скорее между кишлаками Чармак и Джахакель или на подъезде к Сабанкоху. Здесь же нападать на патруль невыгодно. Да, провести атаку с холмов можно, но вот отойти от места боестолкновения не получится. Слишком близко до Кабула, до базы, откуда немедленно придет помощь. Пара вертолетов не даст бандитам уйти. А подойдут они в считанные минуты. Это время патруль в состоянии продержаться, используя всю свою огневую мощь. И все же этот участок надо пройти как можно быстрее. Вопрос, даст ли это сделать рельеф местности. Этой дорогой патрули не пользовались. Черт ее знает, что она представляет собой на опасном участке. Может, там все перерыто или завалено валунами. Хотя воздушная разведка об этом не сообщила. Но и летчики вряд ли уделяли какому-то стоящему в стороне кишлаку, откуда никакой угрозы для мобильных подразделений бригады исходить не может, особое внимание.

В общем, действуем по обстановке.

Донвей окликнул водителя:

– Джим! По кишлаку идем со скоростью в сорок миль в

час, далее, как только впереди покажутся холмы с обеих сторон этой трассы, увеличим темп движения и пройдем опасный участок на максимальной скорости. До выхода на равнину. Как понял, солдат?

Водитель головной машины ответил:

– Понял вас, сэр!

Лейтенант приказал колонне приготовиться к отражению вероятного нападения в опасной зоне.

Колонна прошла кишлак без проблем. Донвей, как ни старался, так и не заметил ни одного человека за глиняными дувалами. Впереди показались вершины холмов. Дорога пошла на спуск, но метров через триста вновь начался подъем, и уже ближе к началу склонов высот выровнялась. Лейтенант вновь воспользовался оптикой. Дорога без колдобин и каменных завалов, чистая, ровная, довольно широкая до поворота на спуск, то есть до границы опасной зоны, склон восточного холма местами имеет кустарник, на вершине людей вроде нет, западный склон изуродован трещинами, а также площадками кустарниковых зарослей, вершина голая. Знать бы, что кроется за этими вершинами, но не останавливать же колонну для проведения разведки? Донвей приказал водителю:

– Джим! Дави на газ!

Рядовой крикнул:

– Есть, сэр!

Головная машина рванула, набирая скорость, вперед. Уве-

личили скорость и два других «Хаммера». Но синхронно ускориться не получилось, и с увеличением скорости увеличилась и дистанция между машинами. Благо, пыли еще на дороге было немного, иначе подобный маневр заставил бы два «Хаммера» вообще встать из-за отсутствия видимости.

В 16.57, как только колонна вышла к селению, Нардани вызвал командир первой группы:

– Фарид! Мохаммед! Вижу колонну!

– Я тоже ее вижу. Похоже, американцы не собираются снижать скорость.

– Да, а начальник патруля не расстается с биноклем. Его может насторожить отсутствие людей в кишлаке.

Фарид презрительно произнес:

– Плевать, о чем думает их офицер. Если он здесь давно, то не придал бы этому значения, потому что знал бы, что мирные жители, особенно селений, где до этого оккупанты не появлялись, предпочитают прятаться. Не рисковать. А если офицер молокосос, то чего от него еще ждать? Их новобранцы здесь поначалу собственной тени боятся, хотя и пытаются выставить себя отчаянными вояками. Мы знаем, что они за вояки.

– Да, американцы – не русские!

– Ты прав, русские не пошли бы дорогой. Они сами атаковали бы высоты, даже не видя противника, или обошли бы их с тыла, оставив одну машину на прикрытии. Янки же, как бараны, прут в засаду. Но внимание! Патруль миновал ки-

шлак. И... вот сейчас «Хаммеры» увеличили скорость. Что же, устроим встречу дорогим гостям! Группа! К бою!

Рассредоточенные по позициям на холмах и за ними вдоль дороги, оборудованным в кустарниках, моджахеды привели оружие к бою.

Колонна американцев втянулась в «коридор» между высотами, растянувшись на шестьдесят метров. Вокруг все тихо, спокойно. Но как только головная машина вышла к границе опасной зоны, Фарид отдал приказ:

– Гранатометная группа, по целям – огонь!

Три молнии одновременно метнулись к «Хаммерам». Одна из балки в головную машину, две других с холмов в оставшиеся две машины патруля. Лейтенант Донвей не только не успел подать в батальон сигнал тревоги. Он понять ничего не успел, как взрыв выбросил его изуродованное тело из армейского джипа.

А Фарид отдал следующую команду:

– Стрелки, по горящим целям – огонь!

С холмов и с позиции у дороги ударили автоматные очереди. Впрочем, их стрельба никому уже вреда принести не могла. Разрывы кумулятивных гранат мгновенно уничтожили весь личный состав патруля взвода не боявшегося смерти молодого лейтенанта Брюса Донвея.

Стрельба продолжалась менее минуты.

Фарид приказал:

– Прекратить огонь! И обратился по связи к командиру

первой группы:

– Мохаммед! Отход и со своими людьми ко мне на холм.

По пути зачисти патруль.

– Кого там зачищать?

– Всадите в каждый труп по солидной порции свинца, у кого головы на местах, отрубите их и бросьте к обочине! Пусть американцы гадают, что мы сначала сделали, расстреляли патруль или казнили их солдат, а потом сожгли. И давай быстрее, Мохаммед. Максимум через десять минут мы должны начать отход в горы!

– Слушаюсь, Фарид!

Пока Мохаммед со своими моджахедами уродовал трупы американских солдат, Нардани вызвал командира второй группы:

– Алим! Ответь!

– На связи!

– Акция возмездия проведена успешно, патруль уничтожен. Начинай отход! Идем автономными маршрутами, встреча в начале ущелья.

Алим предложил:

– А, может, заскочить в Джангри?

– Для чего?

– Там сейчас траур. Сказать людям, что мы отомстили за гибель женщины и ребенка. Я вижу облако дыма, что поднимается на востоке. Как горят «Хаммеры», видят и из Джангри.

Секунды подумав, Нардани ответил:

– Нет, Алим! Заход в Джангри запрещаю! При отходе обойди кишлак. Понимаю, как тебе хочется довести до людей хорошую новость, но заезд в Джангри задержит тебя, а американцы уже через полчаса очухаются и первым делом вышлют авиационную разведку. Поэтому у нас не более двадцати минут, чтобы войти в «зеленку» юго-западнее Сабанкоха. Не более двадцати минут. Как понял меня, Алим?

– Понял, Фарид! Мне до «зеленки» близко, это ты поторопись!

– А ты не забудь своего наблюдателя. Он связывался с тобой?

– Да, я подберу его на месте!

– Все! До связи на подходе к ущелью!

Находясь в штабе батальона, откуда поддерживалась связь с патрулем, комбат взглянул на часы. Они показывали 17 часов 35 минут местного времени. Рэмпси повернулся к находящемуся рядом начальнику штаба:

– Когда последний раз выходил на связь Донвей?

Капитан Стоун ответил:

– В 16.54, сэр!

Комбат повторил:

– В 16.54. На три километра до Багихеля патрулю требовалось минут пять. Значит, в 5 он вошел в кишлак. Еще 5 минут на прохождение участка до холмов и собственно по-

тенциально опасной зоны. Затем 5 с небольшим километров до дороги Джангри – Кабул. Это еще 8—10 минут, учитывая возможную сложность рельефа. И что получается? Получается, Донвей при любом раскладе должен был выйти на связь для доклада в 17.15, ну... черт с ним – в 17.20. Сейчас же, – он вновь взглянул на часы, – 17.37 и... эфирное молчание при отсутствии сигнала тревоги или сообщения об экстренной остановке. Не нравится мне это!

Майор поднял трубку:

– 301-й, я – Оазис, как слышишь, прием!

В ответ все то же молчание.

Рэмпси трижды повторил вызов – никакого результата. Зазвонил телефон внутренней связи.

– Майор Рэмпси слушает! – ответил комбат.

– Дежурный по части, лейтенант Кин.

– Что у тебя, Кин?

– На юго-востоке отчетливо виден дым!

– Что за дым?

– Облако черного дыма, сэр!

– На юго-востоке?

– Так точно!

– Определить дальность очага возгорания!

– Уже определил – пятнадцать километров.

– Черт возьми, это же район расположения кишлака Багихель?!

Комбат бросил трубку. Начальник штаба побледнел:

– Сэр! Не хотите ли вы сказать...

Майор резко перебил заместителя:

– Быстро свяжись с бригадой. Пусть немедленно поднимут в воздух пару-тройку вертолетов для экстренного следования к кишлаку. Задача – определение объекта пожара и поиск колонны нашего патруля! Бегом, Стоун!

– Есть, сэр!

Начальник штаба схватился за трубку радиостанции.

Комбат же по внутренней связи вызвал дежурного по части:

– Кин! Тревожный взвод на выезд. Сбор у контрольно-пропускного пункта через 10 минут. Мою машину к штабному модулю.

– Есть, сэр!

В 17.45 колонна машин тревожного взвода, усиленная двумя бронетранспортерами, выстроилась у КПП гарнизона. Комбат занял место в своем командирском «Хаммере», и тут же сработала бортовая радиостанция.

Докладывал командир звена вертолетов, высланных штабом бригады к месту пожара:

– Оазис! Это Шмель-12! Плохие дела, Оазис. Нахожусь над участком дороги между двух холмов в квадрате... непосредственно у кишлака Багихель. Внизу горящие джипы. Похоже, ваш патруль нарвался на засаду моджахедов. Вряд ли кому из ваших парней удалось выжить.

Комбат ударил рукой по скобе передней панели внедо-

рожника:

– Черт бы побрал этих дикарей! Как чувствовал – быть беде. Но боевики далеко уйти не могли. Ты принял меры для их поиска и уничтожения?

– Два вертолета производят облет местности. Никаких групп вооруженных людей они не видят.

– Не могли же моджахеды испариться?

– Здесь два варианта: либо они, имея автомобили, успели до нашего появления уйти в «зеленку» юго-восточнее Сабанкоха, либо укрылись в кишлаке Багихель. Но последнее вряд ли, ведь ты же наверняка вывернешь селение наизнанку. И это боевики понимают. Да и действовали, в чем убедишься на месте бойни, не мирные дехкане, а хорошо подготовленный и слаженный отряд моджахедов, командир которого просчитал акцию по минутам, вычислив или получив информацию из части об изменении маршрута движения сегодняшнего патруля.

– Ладно! Продолжай поиски, Шмель. Глядишь, и зацепишь кого из боевиков. Они могли и рассыпаться по равнине, укрывшись в индивидуальных укрытиях. В общем, ищи этих ублюдков!

– Сделаю все, что в наших силах, но по опыту знаю, если не зацепили моджахедов сразу, то позже их не достать, по крайней мере с воздуха.

Комбат, отключив станцию, приказал водителю:

– Вперед! – И передал в эфир: – Тревожному взводу сле-

довать за моей машиной!

Колонна рванула через КПП к выезду на дорогу, ведущую к Джангри.

Колонне потребовалось полчаса, чтобы выйти к участку дороги между холмов, где догорали три американских «Хаммера» патруля лейтенанта Брюса Донвея.

Комбат приказал бронетранспортерам обойти высоты и заблокировать дорогу со стороны кишлака, личному составу – произвести осмотр холмов и прилегающей к ним местности в целях обнаружения позиций боевиков, напавших из засады на батальонный патруль. Сам же комбат с командиром тревожного взвода сержантом Чарли Уордом прошел к дымящимся останкам джипов. Сержант, зашедший с восточной стороны, вскрикнул:

– О, мой бог!

Комбат громко спросил:

– Что такое, Уорд?

– Сэр! Сэр! Подойдите, здесь... здесь... такое! Господи!

Комбат вышел на восточную сторону разгромленной колонны и увидел страшную картину. На обочине лежали три трупа, которых не сожрало пламя. Они были обезглавлены, головы лежали рядом. Одна лицом вверх. Это была голова лейтенанта Донвея. Майор почувствовал приступ тошноты, но сумел сдержать рвоту в отличие от сержанта Уорда, который блевал, стоя на коленях в стороне от обезображенных трупов.

Рэмпси, закрыв глаза, проговорил:

– Твари, дикари, ублюдки. – Затем, заставив себя вновь открыть глаза, прикрикнул на Уорда: – Сержант! Отставить! Приведи себя в порядок.

Уорд, бледный как мел, поднялся. В его глазах застыли слезы:

– Но как же это? Почему вот так? Откуда взялись моджахеды, командир?

– Слишком много вопросов, осмотри эти трупы, я взгляну на то, что осталось в машинах.

Рэмпси подошел к обгоревшим останкам «Хаммеров». Внутри угадывались тела бойцов, превратившиеся в черные головешки.

Вернулся к Уорду:

– Ну что?

Сержант доложил:

– Кроме того что сохранившимся и не сгоревшим трупам отсекли головы, их еще буквально нашпиговали свинцом. Такое ощущение, что дикари совершали какой-то дьявольский обряд. В каждый труп выпущено не меньше магазина патронов.

– Вот как? Обряд, говоришь? Нет, Уорд, это не обряд, это демонстрация силы. Оставайся здесь, солдат взвода к дороге не подпускай. Прочешут местность и пусть выходят к машинам. Им всего этого видеть не следует. Я на доклад комбригу.

Уорд кивнул:

– Есть, сэр!

Комбат прошел к командирской машине. По бортовой радиостанции вызвал штаб бригады:

– Гранит, я Оазис! Прием!

Ему ответил молодой женский голос дежурной бригадного отделения связи:

– Я – Гранит! Слушаю вас, Оазис!

– Соедините меня с Первым! Срочно!

– Минуту!

Вскоре раздался голос командира бригады:

– Первый на связи! Что у тебя, Оазис?

– Докладываю, полковник: мобильный патруль, осуществлявший плановый рейд по третьему маршруту, в районе населенного пункта Багихель попал в засаду и был полностью уничтожен. Ты слышишь меня, Эдди? Моджахеды уничтожили восемнадцать моих парней во главе с лейтенантом Донвеем.

Фрин после короткой паузы спросил:

– Почему работаешь в эфире открытым текстом?

– Да потому, что уже сегодня о произошедшем будут знать все в Кабуле и близлежащих кишлаках. Включая дипломатические миссии, а значит, и разведки всех стран, что пасутся в этом проклятом Афганистане!

– Возьми себя в руки, Оазис!

– В руки? Как? Ты бы видел то, что видел я!

– Так, Боб, успокойся! – сказал командир бригады. – И да-

вай по порядку! Каким образом местным бандитам удалось уничтожить наш патруль?

Комбат ответил:

– Исходя из увиденного, предполагаю, что, зная об изменении маршрута мобильного патруля, моджахеды не уточненными пока силами заранее подготовили засаду в квадрате... Это участок объездной Джангри дороги, за кишлаком Багихель, между двумя холмами. Боевики, заняв позиции на склонах и у дороги, применили стандартную схему уничтожения мобильных групп. Сначала гранатометная атака, затем обстрел подожженных машин из стрелкового оружия. У лейтенанта Донвея, не заметившего признаки засады, не было никаких шансов вывести патруль из зоны обстрела.

– Значит, моджахеды знали об изменении маршрута?

– Да!

– Откуда?

– Хороший вопрос! Не исключено, что они подготовили две засады, и у Багихеля, и у Джангри. Мы проверим данное предположение. А также возможность утечки информации из батальона. Но это сейчас не особо важно.

– Что же, по-твоему, важно?

– То, что боевики не просто уничтожили патруль, а как сделали это!

– Не понял!

– Моджахеды действовали с особой жестокостью. Им было мало разгрома нашего подразделения. Они изуродовали

не сгоревшие в машинах трупы, в том числе труп лейтенанта Донвея!

Фрин охрипшим вдруг голосом потребовал:

– Подробней, Боб!

– Трупы Донвея и двух солдат обезглавлены! Более того, в каждый труп боевики всадили по меньшей мере по магазину патронов. Тела буквально превращены в решето.

– Головы убитых афганцы забрали с собой?

– Нет! Бросили рядом с трупами. Это акция возмездия, Эдди! Я говорил, что случай в Джангри нам еще аукнется.

– Ясно! – сказал командир бригады. – Я докладываю о происшествии в штаб объединенной группировки, ты же сними на пленку место бойни, камеру, надеюсь, захватить с собой не забыл?

– Она постоянно находится в моей машине!

– Тем лучше. В общем, сними на пленку результаты нападения на патруль, до мельчайших подробностей. Определи, какими силами и в какое время был атакован патруль. Проверь местность у Джангри на наличие следов второй возможной засады и... постарайся найти объяснения тому, как бандитам, уничтожившим боевое подразделение в непосредственной близости от базы, удалось уйти, ведь, как я понял из твоего доклада, моджахеды сумели скрыться до подхода вспомогательных сил, не так ли?

– Так! И вот это пока необъяснимо. У боевиков было не более двадцати минут, чтобы уйти от места проведения

террористической акции. Но высланные сюда вертолеты ни группы вооруженных моджахедов, ни одиночек на территории, охватывающей Джангри и Багихель, не обнаружили.

– Значит, они имели транспорт!

– Командир эскадрильи высказал предположение, что моджахеды либо успели достичь зеленого массива северо-восточней кишлака Сабанкох, либо укрылись в Багихеле. Посему прошу разрешения на зачистку кишлака.

Полковник спросил:

– Какими силами?

– Силами взвода и двух приданных ему бронетранспортеров. В Джангри провести поиск мы при всем желании сегодня не сможем, а вот вывернуть наизнанку Багихель – вполне!

Комбриг, подумав, ответил:

– Ты вот что, для начала оцепи Багихель, чтобы из него муха вылететь не могла, проведи мероприятия по определению сил нападавших, наличия второй засады у Джангри и поиск стоянки техники, которую использовали бандиты, ну а потом при поддержке с воздуха займись кишлаком Багихель. И вызови из батальона еще один усиленный бронетранспортером взвод с грузовиком для транспортировки останков тел бойцов взвода Донвея! По окончании всех работ и возвращении подразделений в батальон сразу зайди ко мне, я буду ждать. Тогда и обсудим ситуацию, имея полную информацию по трагедии. Как понял меня, майор?

– Понял!

– Действуй! Конец связи!

В 22 часа 43 минуты подразделения пехотного батальона майора Рэмпси вернулись на базу. Отдав распоряжения начальнику штаба по усилению охраны территории части, по организации ужина и отдыха задействованного в поисковых мероприятиях личного состава, а также по подготовке останков тел погибших военнослужащих к отправке в Штаты ближайшим бортом, комбат отправился в штаб бригады. Полковник Фрин ждал своего подчиненного и друга. Как только Рэмпси вошел в кабинет Фрина, полковник подошел к нему:

– Ну что, старина Боб, как самочувствие?

– Хреново, Эдди! – ответил майор. – Надеюсь, у тебя выпить найдется?

– Найдется! Присаживайся в кресло у журнального столика. Отдышись. Вид у тебя действительно плоховатый.

– Устал, Эдди, чертовски устал!

– Понимаю!

Полковник достал из бара бутылку виски, два фужера и тарелку с ломтиками лимона. Выставил все это на столик. Рэмпси он налил почти полный фужер, себе – половину. Офицеры выпили. Фрин закусил лимоном, комбат закурил.

Выдержав паузу, полковник спросил:

– Ну что у тебя по трагедии?

Майор резко выдохнул воздух, затушил окурок в пепель-

нице, стоявшей на столике:

– В общем так, Эдди! Колонну патруля атаквала банда примерно из двенадцать-пятнадцать боевиков. С трех основных позиций, расположенных на холмах и севернее высот на выходе из опасной зоны. Моджахеды ждали колонну, маскируясь растительностью, удивляюсь, как лейтенант Донвей, наверняка осматривавший опасную зону, до входа в нее не заметил моджахедов. Но этого теперь у него не спросишь. Как я и говорил, моджахеды использовали стандартную схему уничтожения малых колонн. Провели гранатометную атаку и следом обстреляли машины из стрелкового оружия. Судя по гильзам, которые и указали на позиции бандитов, последние патронов не жалели. Проведя огневой налет, решивший участь наших солдат, они, изуродовав, явно для демонстрации, не сгоревшие трупы военнослужащих, расстреляв их и обезглавив, отошли к винограднику. Именно там они держали два джипа. На них ушли в обход Багихеля к «зеленке» за Сабанкохом. Скрылись быстро. Командовал отрядом человек опытный, он все просчитал. В том числе и вариант подъема нами вертолетов. У ублюдка было не более двадцати минут на отход, и он уложился в них. Теперь по Джангри. Там, за кишлаком, мои люди нашли следы и второй, страховочной засады. За Джангри неизвестный нам полевой командир выставил заслон человек в семь, не больше, так как там были найдены следы стоянки джипа. Одной машины. Отсюда и численность второй засады. Но и это еще

не все. Я отправил группу к месту, где от основной дороги отходит грунтовка на Багихель. И там мои парни обнаружили следы присутствия постороннего лица. Обнаружили, скажу прямо, случайно: у того, скорей всего, карман прохудился, так как в одной из канав, прикрытой кустом, был найден кулек с насваем. Знаешь, это зеленая дрянь, что аборигены кидают под язык?

Полковник кивнул:

– Знаю! Видел у афганцев, что служат у нас.

– Так вот, по этому насваю и определили недавнее присутствие в канаве постороннего лица. Вопрос: что он делал там, откуда хорошо просматривался участок, где грунтовка примыкает к основной дороге? Считаю, там находился наблюдатель отряда. Моджахеды точно не знали, каким маршрутом пойдет патруль. Поэтому выставили наблюдателя и заблокировали обе дороги. Значит, утечки информации из батальона не было. Что, конечно, радует, но, признаться, слабо.

– Что дала зачистка кишлака Багихель? – спросил Фрин.

– Ни-че-го! Я вызвал еще взвод из батальона, а до этого выставил оцепление вокруг селения. В 18.40 из Джангри на грузовике, принадлежащем одному из жителей Багихеля, вернулась группа мужчин в 12 человек. Произошедшее за кишлаком стало для них неожиданностью. Это было заметно, хотя они говорили, что видели клубы дыма, поэтому и решили вернуться с траурных мероприятий.

– С таким опозданием?

– Объяснили, пока собрались, пока завели свою колымагу, пока ехали, пока их проверяла одна из моих групп, перекрывшая прямую дорогу между Джангри и Багихелем, что полностью подтвердилось, время и прошло. Но черт с ними. Мы их слова проверили, ни следов пороха на руках и одежде, ни запаха не обнаружили. Затем начали обходить их постройки. Да, до въезда в Багихель Донвей докладывал мне, что кишлаки сегодня необычайно пусты. Я узнал почему. Впрочем, лейтенант и сам мог догадаться: афганцы, что оставались в селениях, в том числе и в Багихеле, после случая в Джангри просто прятались в домах, завидев нашу колонну. Но вернемся к зачистке. Солдаты осмотрели каждый дом, все перевернули. Оружие нашли, семнадцать стволов, в основном советские автоматы и охотничьи ружья. Обследование показало, что из найденного оружия давно не стреляли. Кроме двух ружей. Но за кишлаком ружья не применялись. Посторонних не обнаружили, даже заезжих дальних родственников. В кишлаке на момент зачистки были только его жители. И следов раннего присутствия чужаков мы также не обнаружили. Я поговорил с двумя стариками. Один из них сказал, что будто часа в четыре он слышал звук работы моторов за виноградником, но самих машин не видел. Проверять не ходил. В отсутствие мужчин испугался: мало ли кто объявился у кишлака. Наоборот: хотел пацана послать в Джангри, но передумал. Все стихло, и аксакал подумал, что ему либо померещилось, либо неизвестные уехали. В общем,

толку от его показаний никаких. А завтра он вообще ничего не вспомнит. Понятно, что появление моджахедов кто-нибудь из оставшихся в кишлаке женщин, стариков или особенно любопытных подростков видел, но... с нами они предпочли не откровенничать. В итоге я склоняюсь к тому, что моджахеды как основной, так и запасной засады на джипах ушли в зеленый массив. И теперь их искать бесполезно!

– Да, ты прав, Боб! – согласился комбриг. – И что же мне делать? По-прежнему как ни в чем не бывало продолжать посылать в рейды мобильные патрули?

– Не думаю, что в этом есть какой-то смысл!

– Смысла нет, но есть приказ! И мы его обязаны выполнять!

– Даже если каждый день будем терять по взводу?

– Нет! Мы не должны больше потерять ни единого человека!

– Для этого, полковник, нам надо всего ничего – закрыться наглухо в гарнизоне и на выстрелы снайперов отвечать ураганным огнем по городу. Да и в качестве целей вражеских стрелков выставить не солдат, а манекены.

– Не говори ерунды, Боб!

– Это не ерунда. Это война. Никому не нужная, бессмысленная война.

Полковник прошелся по кабинету. Встал у карты района ответственности бригады:

– Знаешь, Боб, о чем я сейчас подумал?

– Написать рапорт об отставке?

– Нет! Я подумал о том, что был бы совсем не против, если бы рядом с нами встал хотя бы один десантно-штурмовой батальон русских!

– Э, куда тебя понесло. И выпил вроде немного!

– Я серьезно, Рэмпси! Ведь в восьмидесятых годах здесь уже стояли советские войска. И они не только не прятались от душманов, а громили их по всем направлениям. Кстати, на месте нашей бригады как раз и стоял десантно-штурмовой батальон. И мне один афганец, воевавший против русских в восьмидесятые годы, довольно подробно описал боевую операцию, проведенную упомянутым батальоном в «зеленке» у Сабанкоха. Причиной проведенной операции послужило нападение душманов на автомобильную колонну, следовавшую в Кабул через кишлак. Сходство с нашей ситуацией улавливаешь?

– Ну и что сделали русские?

– Они вошли в «зеленку», обнаружили след отходящей в горы крупной до двухсот человек банды душманов и преследовали моджахедов, пока не вынудили тех занять оборону в ущелье. Окружили группировку какого-то там хана, то ли Алимхана, то ли Амирхана, сейчас не помню, и так надрали душманам задницы, что из банды в плен сдалось всего пять боевиков. Сами же десантники, представляешь, не потеряли ни одного бойца, даже раненым. Но что сделали русские потом? Провезли пленных по кишлакам и передали старейши-

нам, что командир батальона желает встретиться с главарем бандформирования, в которое входил уничтоженный отряд. И, представь себе, такая встреча состоялась. И знаешь где? В Джахакеле, куда русский комбат приехал один на грузовой машине, в кузове которой находились пленники. Полевых командиров собралось шестеро и среди них самый главный, чуть ли не заместитель самого Хикматияра. Русский майор передал душманам пленных и предупредил, что если в зоне ответственности батальона появится еще хоть один боевик, то его подчиненные разнесут в клочья селения, где обитают семьи полевых командиров, о которых в штабе имеется достоверная информация, а потом устроят охоту уже на самих главарей банд. Душманы остолбенели от такой наглости. Русский майор без охраны, угрожает полевым командирам, находясь, по сути, в их власти?! Один из душманов предложил казнить наглеца на месте. Но главарь запретил. Он ничего не ответил майору, посоветовал как можно быстрее убраться к себе в часть. Комбат уехал. И самое интересное и необъяснимое – после этой встречи в зоне ответственности советского десантно-штурмового батальона душманы больше не провели ни одной акции. А чуть позже русские, используя агентов и дезинформацию, столкнули лбами полевых командиров той самой группировки, в результате чего их отряды начали войну между собой. Но это уже другая история, о которой афганец знает немного! Фактом остается то, что в 1984 году район был очищен от банд моджахедов.

– Интересно, откуда твоему афганцу известно о встрече русского комбата с полевыми командирами, да еще в таких подробностях? – поинтересовался Рэмпси.

Полковник объяснил:

– Я уже говорил, что он воевал против русских. Добавлю, этот афганец служил переводчиком при главаре группировки, с которым встречался русский майор. Он был свидетелем этой встречи и переводил переговоры.

– И ты поверил в эту сказку?

– Наверное, не поверил бы, если бы не ознакомился с некоторыми секретными материалами, касающимися боевой деятельности того батальона. Их где-то откопала наша разведка. Так вот в документах данный случай официально запротоколирован. Русский комбат еще за своеволие получил строгий выговор и по служебной и по партийной линии. Советские офицеры практически все состояли в КПСС.

Рэмпси проговорил:

– Ну, если документы подтверждают этот случай, тогда другое дело. Действительно история весьма интересная.

– И поучительная. Скажи, вот ты решился бы поехать на встречу с ублюдком, чьи головорезы уничтожили твой патруль, чтобы выставить ему ультиматум?

– Я не самоубийца.

– Вот и я не поехал бы! А русский майор сам инициировал встречу!

– К чему ты клонишь, Эдди?

– К тому, о чем уже говорил. Я был бы не против иметь рядом российский батальон спецназа. Русские умели воевать с моджахедами, мы же так ничему здесь не научились и теперь уже не научимся. А значит, и дальше по глупости руководства будем нести ничем не оправданные потери. Порядок в Афганистане могут навести только русские. Но они уже не придут сюда.

– Если ты, Эдди, и дальше будешь вести подобные разговоры с подчиненными, то тебе не видать генеральских погон. Да и полковничьи снимут.

– Я откровенен только с тобой!

– Хорошо, если так, а в принципе – ты прав на все сто процентов!

– От чего ни мне, ни тебе, ни нашим солдатам не легче!

– И это тоже верно! Давай еще выпьем!

– Пей, я не хочу!

– Дело хозяйское.

Комбат взялся за бутылку, и в это время в кабинет вошел помощник командира бригады:

– Извините, сэр! Вас по спутниковой связи вызывает командующий!

– Вот и до него дошла информация о гибели патруля. Сейчас устроит разнос этот непонятно как ставший генералом, высокомерный кретин!

Полковник кивнул помощнику:

– Давай сюда спутниковую станцию!

Помощник внес трубку с толстой и короткой антенной, передал ее командиру бригады. Полковник, вздохнув, ответил:

– Гранит на связи!.. Да, сэр!.. Да, конечно, непременно и сегодня же!.. Так точно, засада!.. Слушаю!.. Понял!.. Обеспечу!.. Есть!.. Думаю, в батальоне майора Рэмпси!.. Есть!.. Не беспокойтесь, все сделаю как требуете вы!.. Подействовала, но не в такой степени, чтобы посеять в батальоне панику!.. Так точно!.. Есть! Я все понял. В 6 утра! Лично встречу!.. Естественно! До свидания, сэр!

Комбриг отключил станцию. Положил ее на столик.

– Ну что, орал командующий? – спросил комбат.

– Как ни странно, нет!

– Кого, если не секрет, ты обещал встретить лично? Штаб высылает к нам комиссию?

– И комиссию и какую-то секретную диверсионную группу, приказание командира которой подлежат немедленному исполнению.

– Даже так? Диверсионная, да еще секретная группа? И за каким чертом она летит к нам?

– Ну уж точно не для того, чтобы охранять чиновников из комиссии. Впрочем, комиссия – всего лишь прикрытие боевой группы. Командующему и отчета хватило бы. Чего здесь раскапывать? Кстати, диверсанты временно разместятся у тебя в батальоне. Мы обязаны обеспечить секретность их нахождения в подчиненной тебе части. Понятно, что невиди-

мыми бойцов группы нам не сделать, но никто в батальоне, кроме тебя, не должен знать, что это специальное диверсионное подразделение.

Майор, выпив полфужера виски, кивнул:

– Обеспечим! Все обеспечим! Командующий интересовался моральным духом моих солдат или мне показалось?

– Интересовался. Ответ ты слышал!

– Слышал! Что ж! Ситуацию обсудили, выпили, да еще ценное указание от самого командующего получить успели, пора разбегаться. Я в батальон!

– Давай! Отдохни и завтра с утра будь в готовности принять секретное подразделение, обеспечив его всем необходимым для временного нахождения в части!

– Я уже слышал это. Ладно, бывай, Эдди, пошел я!

– Иди, Боб! Кстати, группа диверсантов имеет кодовое название!

– Ну это не новость!

– В общем да, если бы она не называлась «Черные дьяволы»!

– «Черные дьяволы»?

– Да, Боб, ты не ослышался!

– Но почему «дьяволы», да еще черные?

– Это и я хотел бы знать!

– Узнаем! Не хотелось бы иметь дело с нечистой силой. Особенно здесь и после того, что сотворили с военнослужащими патруля местные сатанисты. Но ладно, сейчас голова

варить перестала. Завтра разберемся. И с дьяволами, и с ангелами! Пока, Эдди!

– Давай, Боб! Спокойной ночи!

– Тебе того же!

Майор Рэмпси вернулся в батальон и, выйдя из машины, скрылся в своем жилом отсеке общего офицерского модуля. Он приказал дежурному по части до шести утра не беспокоить его, а все вопросы решать с начальником штаба. Включив кондиционер, не раздеваясь, майор упал на кровать и тут же уснул крепким под действием спиртного сном.

Глава четвертая

Расположение отдельного пехотного батальона США, пятница, 11 июля 2008 года.

С шести утра майор Рэмпси находился на плацу.

Дежурный по части объявил подъем личного состава. Солдаты начали выбегать из казарм и строиться повзводно. Начиналась ежедневная утренняя физическая зарядка. Комбат курил, хотя это на плацу было запрещено, и смотрел на действия подчиненных. Все было как обычно. И солнце светило ярко, обещая жаркий день, и солдаты занимались по распорядку. Все как всегда. Обычный день. И в то же время он являлся особенным. Сегодня впервые за все время нахождения войск НАТО в Афганистане Рэмпси должен был отправить в штаты 19 гробов. Восемнадцать с телами бойцов уничтоженного моджахедами патруля и один с трупом убитого снайпером часового. Такого количества людей за одни сутки батальон еще не терял. Рэмпси знал, что в других частях потери были выше, но никогда не думал, что и по его части бандиты нанесут столь серьезный удар. И была ли акция моджахедов мстью за случайно погибших в Джангри в дорожно-транспортном происшествии женщину и ребенка или плановой операцией антикоалиционных сил так называемого движения Сопротивления – неизвестно. Впрочем, скорей всего, моджахеды отомстили американцам. Только

очень уж жестоко, но по-иному они просто не умели. Жестокость здесь в порядке вещей. Как и ненависть ко всему чужеродному. Да, Белый дом совершил чудовищную ошибку, бросив сюда воинский контингент. Он талибов не уничтожил, те сами ушли, сохранив силы, а когда американцы завязли в противоречиях с местным населением, вернулись. И не просто вернулись, а вытеснили войска коалиции с юга, заняв весьма большой плацдарм для своего дальнейшего продвижения на север. Талибы пойдут и на Герат и на Кабул. Главное – они поняли, что хваленая мощь западных армий, в том числе и армии США, в действительности не более чем миф, результат активной пропаганды западных СМИ. И теперь эти орды исламских фанатов не остановить. Если, конечно, командование НАТО и США не предпримут каких-то дополнительных мер. Или не выведут из Афганистана войска. И черт с ним, с этим Афганистаном. Пусть вновь талибы воюют с севером. Пусть опустятся в Средневековье. Перережут друг друга. Установят ту власть, которая им нужна. Какое до всего этого дело обывателю в Штатах? Никакого. Лишь бы родных да близких не отправили подыхать черт-те знает куда и черт-те знает за чьи интересы. С Ираком тоже пора завязывать. Шииты и без американцев разберутся с суннитами, или наоборот. Вся нефть Ирака не стоит и одной жизни американского солдата. Но в высших кругах власти США, похоже, иная точка зрения.

Рэмпси оторвался от невеселых мыслей, которые все ча-

ще не давали покоя, увидев бежавшего к нему посыльного. Выбросил в арык окурок.

Солдат, подбежав к комбату, доложил:

– Сэр! Вас срочно просит прибыть на КПП дежурный по части!

Козырнув и развернувшись, солдат убежал.

Рэмпси не спеша пошел за ним, недовольно бормоча:

– Срочно! Наверное, «дьяволы» объявились. Тоже мне элита. Диверсанты?! И подождут, ничего не случится. Надо с ними держать себя строго, чтобы на шею не сели. Эти командос наглецы еще те. И чего их вдруг прислали сюда? И кто они, эти «дьяволы»? Да еще черные? Что-то есть злое в названии группы. Но ладно. Все прояснится через несколько минут, если, конечно, вызов касается секретной группы. Не исключено, что планы вышестоящего командования поменялись и батальону предстоят какие-то мероприятия. Сейчас всего можно ждать. Всего, кроме мира.

Командир батальона вошел в помещение дежурного. Молодой лейтенант доложил о том, что в части за время его дежурства происшествий не случилось.

– Зачем просил зайти в дежурку? – поинтересовался Рэмпси.

Лейтенант указал на аппарат секретной связи:

– В 6.10 звонил командир бригады, приказал найти вас и передать, чтобы вы немедленно связались с ним по этой линии.

– Хорошо! Всем выйти из помещения!

Как только за дежурным и его помощником закрылась дверь, Рэмпси поднял трубку. Вновь услышал мелодичный голос молодой связистки:

– Гранит слушает!

– Это Рэмпси, соедините меня с командиром бригады!

Вскоре Фрин вышел на связь:

– Майор! Почему я не могу найти тебя в течение двадцати минут? Решил вопрос с местом временного размещения диверсионной группы? – спросил он.

– Конечно. Есть три варианта на выбор. Палатка за штабным модулем, отсек взвода лейтенанта Донвея, он, как понимаешь, сейчас совершенно свободен, и помещение дополнительного караула, в бункере, непосредственно рядом с контрольно-пропускным пунктом.

– Понятно! Чем занимается личный состав батальона?

– Проводит утреннюю физическую зарядку.

– Прекратить зарядку, всем зайти в казарменные отсеки.

Через десять минут я подъеду вместе с гостями. Чем меньше твоих подчиненных будет их видеть, тем лучше! Мы заедем со стороны штаба бригады. На автобусе. Ты должен встретить нас возле своего штабного модуля?

– Все понял, с нетерпением жду дорогих гостей! – хмыкнул командир батальона. – Боб! Я испорчу тебе настроение!

– Кто бы сомневался в этом. До встречи!

– До встречи!

Положив трубку на рычаги аппарата секретной связи, комбат крикнул:

– Дежурный!

Лейтенант тут же открыл дверь:

– Да, сэр?

– Первое! Срочно передай командирам подразделений приказ вернуть личный состав с зарядки в казарменные модули и не покидать их до особого распоряжения. Второе! Найди начальника штаба, пусть так же срочно явится в штаб батальона!

– Слушаюсь, сэр!

Рэмпси покинул КПП и направился к штабному модулю. По дороге заметил, как солдаты взводов и рот возвращаются в казарменные строения. Дежурный сработал оперативно. Да и начальник штаба уже ждал командира.

Офицеры поздоровались. Комбат обратился к заместителю:

– По отправке тел погибших все готово?

Капитан Стоун ответил:

– Да, сэр! Готово. Осталось узнать точное время вылета транспортного самолета. Предварительное – в 14.00. Но я все уточню! После чего надо устроить прощание личного состава с погибшими.

– Устроим! Ты все и организуй, но позже. А сейчас иди к казармам и, чтобы ни один военнослужащий, будь то солдат, сержант или офицер из модулей, на улицу не выходил. До

дополнительной моей команды.

Начальник штаба отправился выполнять приказание.

Не успел заместитель комбата дойти до плаца, вокруг которого были разбросаны казарменные модули подразделений части, как к штабу, объехав столовую, подошел автобус с глухими шторами на окнах. Первым из него вышел командир бригады, за ним мужчина лет сорока. Рэмпси поразила какой-то мрачный блеск в глазах гостя, да и сам взгляд, жесткий, колющий, безжалостный. Взгляд палача, ожидающего появления жертвы.

Между тем комбриг представил мужчину:

– Командир особой, секретной группы «Черные дьяволы», майор Клинт Хеллер. – Полковник указал на комбата: – А это, мистер Хеллер, командир одного из батальонов бригады, майор Бобби Рэмпси.

Комбат пожал руку Хеллеру и почувствовал, что ладонь гостя неожиданно холодна. Как у трупа. И это при тридцати градусах выше нуля.

– Так это ваш патруль, Рэмпси, уничтожили дикари? – спросил командир «дьяволов».

– Мой!

– Ясно! Со мной 19 человек плюс боевая экипировка, оружие, боеприпасы. Где мы можем разместить личный состав и снаряжение?

– Я должен знать, надолго ли вы прибыли в батальон?

Хеллер взглянул на комбрига. Тот ответил:

– Ненадолго, майор, что не имеет никакого значения, вам задан вопрос, будьте любезны ответить на него.

– Как я уже говорил комбригу, могу предложить три варианта размещения ваших бойцов, Хеллер, палатка за штабным модулем, отсек в казарменном модуле, где до гибели размещался взвод покойного лейтенанта Донвея, и помещение дополнительного караула в бункере непосредственно у КПП части.

Хеллер спросил:

– Что собой представляет помещение дополнительного караула?

Рэмпси пожал плечам:

– Обычное помещение, только в бетонном бункере. Все удобства, включая душевую и кондиционер. Собственная столовая, комната отдыха с видеоаппаратурой, бильярдом, тренажерами. Помещение для хранения оружия. Вход как с КПП, так и извне, через отдельный, заглубленный в грунт и замаскированный сетью тамбур.

– Выбираю третий вариант! – заявил командир секретной группы. – Автобус следует подогнать к КПП, личный состав ввести в бункер через автономный вход. Обеспечить завтрак, позже – обед и ужин по расписанию, утвержденному в части. Пищу буду принимать лично я, передавать ее должен дежурный по части, который обязан молчать о присутствии на территории батальона моей группы. В 13.00 прошу командира батальона зайти в помещение караула, надо решить несколь-

ко вопросов.

Рэмпси кивнул:

– О'кей! В 13.00 буду у вас!

– Ну, пока вроде все! Мы можем ехать к КПП.

– Да, конечно, но один вопрос позвольте, мистер Хеллер?

– Вообще-то я не люблю, когда мне задают вопросы, но раз какое-то время нам предстоит работать в связке, то задавайте!

– Почему ваше подразделение носит такое необычное название – «Черные дьяволы»?

– На этот вопрос я отвечу вам при встрече в 13.00. О'кей?

– О'кей!

– Тогда к КПП!

Разместив спецгруппу, комбат вернулся к исполнению своих обыденных служебных обязанностей. Подразделения также занялись учебной подготовкой согласно планам и расписанию дня. Командир бригады уехал к себе в штаб.

В 13.00 Рэмпси, как и было договорено с майором Хеллером, пришел на КПП. Дежурный только что встал после дневного четырехчасового отдыха. Комбат спросил у него:

– Как наши гости?

– Не знаю, что и сказать, сэр! Как ушли в бункер, так больше никого из них я и не видел. Хотя нет, извиняюсь, видел офицера со шрамом, когда передавал термосы с завтраком.

– Он сам их принял?

– Так точно! Позже их выставили на улице. Отправил в

столовую. Эти парни стараются не афишировать свое присутствие здесь!

– Так и должно быть! Не забывай, что и ты, и твой наряд также обязаны молчать об этой группе. Никаких разговоров в казарме после дежурства.

Лейтенант козырнул:

– Да, сэр! Я уже проинструктировал солдат!

– Вот и хорошо. Приведи себя в порядок и продолжай несение службы. Если что, я в бункере, у гостей!

– Понял!

Майор прошел в помещение дополнительного караула через проход из контрольно-пропускного пункта.

Хеллер уже ждал его. Увидев комбата, посмотрел на часы и проговорил:

– А вы не пунктуальны, майор!

– Это так важно для вас?

– Для меня, Рэмпси, все важно, особенно когда группа находится на боевом выходе. Но пройдемте в отдельную комнату, там и поговорим!

– Как угодно, мистер Хеллер!

– Давайте перейдем на «ты»: мы одного звания, почти одного возраста, к чему формализм?!

Рэмпси согласился:

– Почему нет? Можно и на «ты»!

– О'кей!

Командир батальона и Хеллер прошли в отдельную ком-

нату, предназначавшуюся для размещения начальника дополнительного караула и его помощника. В ней стоял стол, два стула и в углу за ширмой – топчан. Хеллер присел за стол. Рэмпси устроился напротив него.

– Претензии по размещению подчиненного тебе личного состава имеются? – спросил комбат:

– Нет, все нормально. Завтрак доставили вовремя, думаю, что с обедом и ужином будет то же самое!

– В этом не сомневайся.

– Мы здесь ненадолго, только для того, чтобы решить поставленную вышестоящим командованием задачу в Джангри.

Комбат не смог скрыть удивления:

– В Джангри? И что за задачи вы должны решать в мирном кишлаке?

– А вот этого тебе, Рэмпси, знать не обязательно.

– Погоди-погоди, уж не проведение ли карательной акции ты задумал, Хеллер?

– Я ни о чем не думаю и ничего не планирую. Для этого есть штабисты и мое непосредственное начальство. Я со своими бойцами лишь выполняю приказ. Какой бы он ни был!

Комбат кивнул:

– Значит, карательная акция! А твое начальство не подумало, какие последствия может вызвать эта акция?

– Этот вопрос не ко мне. Но я не пойму тебя: ты что, против того, чтобы дикари, уничтожившие твой патруль, понес-

ли заслуженное наказание?

– Население Джангри не участвовало в нападении на колонну. Это дело рук неплохо подготовленного отряда моджахедов, видимо, имеющих отношение к талибам. А жители Джангри, напротив, пострадали от наших действий. Надеюсь, ты знаешь о том, что патруль батальона насмерть задушил в кишлаке женщину и ребенка?

– А разве бойня у Багихеля – не прямое следствие этого происшествия? Повторяю, бойня, а не адекватный ответ. Но довольно пустословия. Мне поставлена задача, и я ее выполняю.

– Что требуется от меня? – спросил комбат.

– Кое-какая информация и техническое обеспечение действий группы.

– Что ты хочешь узнать?

– Как быстро, используя бронетехнику, мы можем подойти и окружить кишлак?

Рэмпси ответил:

– Ночью вы сделаете это примерно минут за сорок. Но, предупреждаю, за батальоном, как, впрочем, и за территорией дислокации всей бригады, моджахеды ведут круглосуточное наблюдение и при первой возможности используют снайперов. Здесь на нас устроена настоящая охота.

– Вот видишь, а ты защищаешь каких-то засранцев из кишлака.

– Никого я не защищаю, а говорю о тех последствиях,

которые может вызвать карательная акция против жителей мирного кишлака, в котором полно стариков, женщин, детей.

– Это не твои проблемы. Почему нам требуется сорок минут для подхода к кишлаку? Ведь до него, насколько мне известно, всего пятнадцать километров?

Рэмпси объяснил:

– Ночью дорога свободна, но видимость весьма ограничена. Вам же необходимо пройти часть города и участок дороги до кишлака скрытно, а значит, применяя светомаскировочные устройства. Следовательно, скорость придется держать низкую. Не более 30 миль в час. Плюс охват селения, на это тоже уйдет время. Так что сорок минут, это как минимум, если марш пройдет без сбоев.

– О каких сбоях ты говоришь? – спросил Хеллер.

– Тех, что неожиданно проявляются на войне и которые просчитать невозможно. Я уже говорил, что за территорией моджахеды осуществляют круглосуточное наблюдение, ночной выход боевых машин из части не останется незамеченным. Боевики вполне смогут определить, куда движется колонна, и предупредить об этом население кишлака, а возможно, и связаться с тем отрядом, что разгромил колонну батальона. Он может находиться совсем рядом, в «зеленке» у Сабанкоха. И тогда вас встретят. Точнее, могут встретить! Что произойдет дальше – одному господу известно.

Хеллер ненадолго задумался. Затем задал очередной во-

прос:

– Как нам обмануть вражеских наблюдателей?

– Не знаю!

– Ты отвечаешь за контроль над районом, где нам предстоит действовать, и не знаешь, как можно дезинформировать наблюдателей? А может, не хочешь?

Рэмпси вздохнул:

– Я действительно не знаю, как обмануть наблюдателей, разве что тебе пойти сначала на Чармак? А затем где-нибудь между названным кишлаком и селением Джахакель уйти на восток и, обойдя Багихель, выйти к Джангри.

– А говоришь – не знаешь!

Хеллер развернул карту района, внимательно ознакомился с ней и сказал:

– Что ж! Это вариант! Вот только рельеф местности плохой, овраги, холмы, пастбища. Если принимать этот вариант, то придется километров тридцать идти по бездорожью и вслепую.

– Зато наблюдателей введете в заблуждение точно.

– Возможно, возможно! О'кей, я еще подумаю. Теперь об обеспечении действий группы. Мне нужны четыре легких бронетранспортера.

Рэмпси ответил:

– Я бы посоветовал «Хаммеры»: они более маневренны и быстры, нежели бронетранспортеры, имеют пулеметы и способны перевозить столько же людей, сколько легкие БТР. К

тому же звук от движения внедорожников намного слабее, чем рокот дизеля бронетранспортера.

– О'кей, я и этот вопрос обдумаю! – кивнул Хеллер. – Значит, так! Встречаемся еще раз и здесь же, в 16.00. Тогда и определимся с окончательным решением по обеспечению выполнения группой поставленной задачи.

– Похоже, – сказал Рэмпси, – тебя совершенно не интересует, смогу ли я прийти в назначенное время или у меня есть какая-то другая работа?!

Хеллер усмехнулся, отчего его физиономия приобрела звериный вид:

– Ты прав, Рэмпси. Твои дела меня не интересуют. Одно я знаю: что тебе приказано выполнять все мои требования, касающиеся предстоящей работы. Все, Рэмпси. Следовательно, ты просто обязан делать то, что надо мне. И ты будешь это делать! Не смею задерживать! До встречи в 16.00!

Комбат встал, пошел к выходу. Хеллер остановил его у самой двери:

– Рэмпси!

Майор обернулся:

– Что еще?

– Кажется, дружище, ты хотел узнать, почему моя группа носит название «Черные дьяволы»? Я готов удовлетворить твое любопытство.

Комбат отрицательно покачал головой:

– Не надо, Хеллер. Я уже понял, почему вас окрестили

«дьяволами»!

– Да? Что ж! Тем лучше!

– Смотря для кого!

Комбат вышел из комнаты, прошел на контрольно-пусковой пункт. Сел на топчан для отдыха дежурного офицера. Задумчиво выкурил сигарету. Поднялся и приказал дежурному:

– Срочно связь с командиром бригады по засекреченному каналу!

– Есть, сэр!

Лейтенант сел за пульт, начал вызывать штаб бригады. Через несколько секунд передал трубку командиру, на связи был полковник Фрин.

Комбат приказал дежурному и помощнику выйти. Как только наряд покинул помещение, он спросил в трубку:

– Тебе известна цель, с которой к нам прибыли «дьяволы»?

– В общих чертах!

– Значит, ты в курсе, что они собираются ночью провести карательную акцию в Джангри?

– О Джангри ничего не знаю. Так они нацелились на кишлак?

– Да! Представляешь, ЧТО эти «дьяволы» сделают с Джангри?

– Нас это не касается, Боб!

– Да? «Дьяволы» как прибыли, так и отбудут, сделав свое

черное дело, а нам потом расхлебывать последствия их так называемой работы? А последствия могут реально стать катастрофическими. Не хватало, чтобы моджахеды стянули в район крупные силы и начали долбить нас из минометов, безоткаток, зенитных установок, противотанковых комплексов, которые имеются у них на вооружении. Мы вынуждены будем выйти из гарнизона и вести открытые боевые действия против неизвестных сил. ЧЕМ это может закончиться для нас, просчитать несложно. Мы не готовы к открытым боестолкновениям. Тем более если к Кабулу подойдут отряды фанатиков-талибов, что вполне возможно.

Командир бригады вздохнул:

– Я понимаю все, Боб, но остановить «дьяволов» не в моих ни тем более, в твоих силах.

– Так что – сидеть сложа руки и ждать бойни?

– Нет, Боб, готовиться к ней! И хватит разговоров, мне пора в главный штаб. Выполняй все требования командира спецгруппы. Это приказ. А что будет позже – посмотрим!

– Если будет кому смотреть! Конец связи.

Комбат отключил трубку и, бросив ее на стол пульта, проговорил:

– Вот именно, что конец! Ну и хрен с ним. От судьбы не уйдешь. Что будет, то и будет. – Он крикнул: – Дежурный!

В дежурку вошел лейтенант.

– Да, сэр?

– Обед гостям по распорядку, – приказал комбат. – Я в

штаб, через три часа вернусь.

– Понял, сэр!

Майор поднялся, похлопал лейтенанта по плечу:

– Ничего ты, сынок, не понял! Ладно, неси службу!

Лейтенант проводил комбата удивленным взглядом.

Рэмпси направился в штабной модуль, проклиная тот день, когда его батальон в составе бригады перебросили в Афганистан. О выходе на пенсию он уже не думал. Теперь до нее стало так же далеко, как в начале службы, если не дальше.

Хеллер же после ухода комбата склонился над картой. Так он просидел около часа. После обеда вызвал к себе командиров групп, лейтенанта Джоша Ченси, исполнявшего по совместительству обязанности заместителя командира отряда, и сержантов Криса Келлемана и Тима Контера. По прибытии подчиненных предложил им пройти к столу:

– Господа, настало время раскрыть задачу, которую нам предстоит решать в окрестностях Кабула. Взгляните на карту. Ежедневно мобильный патруль батальона, на территории которого мы находимся, в составе взвода на трех «Хаммерах» совершает или до сих пор совершал объезд зоны ответственности части по маршруту Кабул – Чармак – Джахакель – Сабанкох – Джангри – Кабул. И ничего страшного не происходило, на патруль не нападали, не устраивали минных ловушек, иногда, правда, обстреливали малыми силами, не причиняя особого вреда личному составу патруля, пока

в среду 9 июля одной из машин не были сбиты в Джангри женщина с ребенком. На следующий день, 10 июля, маршрут очередного патруля был изменен. Колонна должна была обойти Джангри через кишлак Багихель, вот он, – Хеллер ткнул указкой в карту, – в трех километрах западнее Джангри. Подразделение лейтенанта Донвея вышло на патрулирование и за кишлаком Багихель попало в засаду моджахедов, которые буквально растерзали патруль. Согласно докладу командира батальона дикари ждали колонну и за Джангри, а также выставили пост наблюдения за местом, где грунтовка отходит от главной дороги на Багихель. Отсюда напрашивается вывод, что моджахеды не знали, по какому маршруту точно пойдут машины патруля. Местные жители Багихеля клянутся, что они ничего подозрительного в тот день не видели. Они лгали, потому что не заметить, как в винограднике, примыкающем к кишлаку, были укрыты два внедорожника, а затем к двум высотам, лежащим в восьмистах метрах от селения, выдвинулась банда численностью не менее пятнадцати человек, невозможно. Местные жители видели отряд моджахедов и видели, что те готовили засаду. Но ничего не предприняли, чтобы предупредить наше командование о готовящейся террористической акции, что обязаны были сделать. Но афганцам жизни наших восемнадцати парней оказались совершенно безразличны. Нетрудно представить, как ликовали дикари и в Багихеле, и в Джангри, узнав о разгроме колонны американского патруля: как же, мало-

численный отряд моджахедов сумел надрать задницы вооруженному до зубов мобильному взводу армии США! Но рано ликуют дикари. Руководством, которому подчинено наше подразделение, принято решение провести ответную карательную акцию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.